

Омельянюк Александр Сергеевич

„Високосный, 2008 год“
романа-эпопеи **„Платон Кочет“**

Вторая книга серии «Платон Кочет XXI век»

Платон Кочет XXI век

Александр Омелянюк
Високосный, 2008 год

«Горизонт»

2016

Омельянюк А. С.

Високосный, 2008 год / А. С. Омельянюк — «Горизонт»,
2016 — (Платон Кочет XXI век)

ISBN 978-5-906858-30-6

Эта книга является второй частью серии «Платон Кочет XXI век» романа-эпопеи «Платон Кочет», действие которого происходит от Древнего Египта Амарнского периода до Москвы наших дней. В данную серию, помимо этой книги, входят также части «Новый век начался с понедельника, 2001–2007 гг.», «Год Быка 2009–2010 гг.» и уже известная читателям часть «Возвращение блудного сына». В этой книге продолжается рассказ о жизни главного героя Платона Петровича Кочета и его ближайшего окружения в наше время в 2008-ом високосном году. В этой части романа, написанной в основном по конкретным событиям и с действующих персонажей, продолжается рассказ о современной жизни россиян, в основном москвичей, поднимаются те же вопросы и проблемы, что и в предыдущей части романа-эпопеи, на которые невольно наложили отпечаток события прошедшего года. Некоторые совпадения с образами реальных людей носят случайный характер. И здесь автор, продолжая одну из главных идей романа, сохраняет, присущую ему весьма доходчивую форму изложения. Некоторыми читателями замечено, что данный текст автора несёт в себе большой энергетический заряд и оказывает положительное терапевтическое воздействие при его неспешном, вдумчивом чтении. Как всегда автор увлекает читателя доверительностью, своим неиссякаемым оптимизмом, юмором, иронией и добрым сарказмом.

ISBN 978-5-906858-30-6

© Омелянюк А. С., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

Глава 1. Она же не последняя.	7
Глава 2. Ожидание лета.	28
Глава 3. Отдых и лечение.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Омелянюк

Високосный, 2008 год

*Здесь я должен доделать недоделанное и досказать недосказанное
мною ранее.*
(Пролог)

Глава 1. Она же не последняя.

Да! Следует! Куда тут денешься?! Жизнь ведь идёт своим чередом!

И успел!

В этом году Платон завершил пока последнюю часть своего романа-эпопеи под названием «Новый век начался с понедельника», и приступил к обдумыванию предпоследней части романа под названием «Новый мир открыл глаза, но потупив ясны очи».

Он также начал подготовку к написанию трёх исторических частей, со 2-ой по 4-ую, соответственно под пока рабочими названиями «Платон», «Птолемей» и «Прокуратор».

Год выдался как всегда насыщенным на события и эмоции. Но начался он, по обыкновению, лыжами.

Зима в этот сезон выдалась тёплой и малоснежной.

Но фанат лыж Платон умудрился на них ходить без пропусков практически каждый выходной день.

Исключение составили лишь некоторые январские каникулярные дни олигархов, когда приходилось идти, а скорее ползти, по жёсткому ледяному насту.

А начал Платон свой очередной лыжный сезон ещё в декабре. Даже 31 числа он пораньше утром сходил на лыжную прогулку, а скорее всего гонку.

В начале года, в очередной раз, пытаясь пробежаться фактически по льду, горе лыжник чуть не упал. На неровной ледяной поверхности его лыжи повели себя произвольно, наехав одна на другую. Лишь опыт и мастерство спасли Платона от ощутимого падения на ледяную твердь.

Он шёл дальше осторожней и думал о случившемся. И вдруг! Ему будто бы послышался голос его родителей: «Поаккуратней будь, сынок!».

В этот момент его короткие, мягкие и седые волосы наверно чуть привстали под белой чемпионской лыжной шапочкой с красной надписью «Лыжня России – 2001», в своё время выигранной Иннокентием на районных школьных соревнованиях.

И сами собой полились стихотворные строчки:

*Пошёл на лыжах я гулять.
Сказать точнее – бегать.
И зазевался я опять.
Ну, что со мной поделать?*

*На ровном месте, на снегу,
На скользком лыж накате,
Упал, и лёжа на боку
Вдруг вспомнил о наказе:*

*«Нельзя теперь и падать Вам!
К чему тогда лечение?».
Конечно, это знал и сам.
Но сильно увлечение.*

*Пошёл на лыжах ведь гулять.
Шёл по опушке леса
Маршрут любимый повторять —
На лыжах я повеса.*

*Я на лыжне был одинок.
Испуг поднял мой волос:
«Поаккуратней будь, сынок!»
Родной услышал голос.*

*Родители мне в унисон
Совет совместный дали.
Заботливый, полезный он,
Чтоб кости не страдали.*

*Я их заботу уловил
О сыне – человеке!
И память сердца окропил
Слезинкою на веке.*

*Ведь слева, лишь рукой подать,
Могилы моих предков.
Привет бы мог им передать,
Но здесь бываю редко.*

*В лесу зимою – тишина.
Деревья все без кроны.
На ветках – снега толщина,
Подобие короны.*

*Скрывает словно память их,
Как шапкой-невидимкой.
Но память сердца о родных
Весной не тает льдинкой.*

*И в тот же миг, и в тот же час,
Как я про то подумал,
Вдруг слёзы брызнули из глаз.
Сие я не придумал.*

*И Вы всегда, и Вы везде,
Куда б Вас не носила,
Храните память о семье,
О той, что Вас растила!*

В феврале Платону удалось один раз вывести на лыжню и свою жену.

День выдался на редкость удачным, солнечным с лёгким морозцем. Не смотря на большой перерыв в практике, Ксения впервые за многие годы получила удовольствие от лыжного катания. Супруги сделали ряд фотографий. Особенно их удивила, мастерски вылепленная из снега, скульптура русалки по подобию известной датской из сказки Андерсена.

Однако через несколько выходных Платон, как и предполагал, обнаружил её уже разрушенной русскими вандалами.

В этот раз Новый год Платон уже встретил наедине с женой.

А Кеша встречал его в компании с Кирой и друзьями.

Иннокентий досрочно сдал студенческую сессию и теперь наслаждался осознанной необходимостью.

На Рождество супруги Кочет традиционно съездили к друзьям в Никольское. Встреча прошла обыденно, по привычному сценарию, но, как всегда, в тёплой, дружеской обстановке. И эту теплоту особенно усилил подарок Ксении.

Она вручила семье подруги каминные часы, чем вызвала неподдельный восторг хозяев. Именно такой подарок особенно гармонировал с недавно Юрием Алексеевичем мастерски выложенным изразцом.

Опять помимо выпивки, закуски и застольных бесед, слушали музыку и немного танцевали. И конечно не обошлось без телевизора. Но после очередной надоевшей рекламы и риторически-шутливого вопроса Платона к хозяевам чёрного кота:

– «А Ваша киска, купила бы «Виски»?!», – телемучителя с удовольствием выключили.

По мере усиления градуса общения менялись и обсуждаемые темы.

Как-то разговор перешёл на Ю. М. Лужкова, и Платон похвалился, что в своё время направил ему поздравление с семидесятилетием, в том числе стихотворное, вскоре получив тёплый ответ от помощника мэра.

Ксения тут же попыталась умалить достижения мужа, но была неожиданно для себя им не только вскоре перебита, но даже и несколько посрамлена.

Выслушав доводы жены по поводу качества своих стихов, слегка раздражённый поэт сообщил супругам-хозяевам:

– «Так после этого, осенью, Ксюха мне рассказывала, что в выходной, пока я был на даче, звонила какая-то женщина из фирмы «Интеко» и спросила Платона Петровича, объяснив, что ей меня рекомендовали, как хорошего специалиста, не помню, в чём-то. А моя мудрая жена возьми, да и откажись!?: «А он давно этим не занимается, и вряд ли будет Вам полезен!». И больше эта женщина не звонила!?».

– «Так это же фирма Батуриной!?» – удивился Юрий, на что все молча, вопросительно взглянули на вытаращенные от крайнего удивления глаза, отвисшую от досады нижнюю губу и открывшийся от страха рот Ксении Александровны.

Получилось так, что Ксения вовремя этого не поняла и не прочувствовала.

– «*А может быть это и к лучшему? Зато я не стал холопом у олигархов из «Интеко»!*»
– тут же пришёл Платон на выручку жене, было растерявшейся и расстроившейся, на время даже потерявшей своё лицо.

Зато своё лицо прекрасно сохраняли строители. На работе у Платона всё ещё продолжался затянувшийся ремонт.

Он продолжал сидеть на месте Гудина, невольно вынуждая того чаще отсутствовать, в том числе вместе с Алексеем. Поэтому теперь уже и самому Платону пришлось некоторое время сидеть с глазу на глаз в одной комнате с Надеждой Сергеевной, и он наяву ощутил стоны Гудина, давно уставшего от постоянного таракхания начальницы.

Надежда, если только она не рассказывала о достижениях своей семьи, часто разговаривала сама с собой, утомляя коллег, со временем привыкших просто её не слушать. Зато Платону теперь невольно слышались некоторые, особенно громкие, разговоры рабочих, иногда сдобренные матом, иногда народным юмором:

– «*Девки, я Вас просила мне ножик бросить!*».

– «*А мы бросили пять минут назад!*».

– «*А-а!.. А что это Валька на полу лежит?!*».

Рабочие работали профессионально, качественно и не спеша, что объяснялось повременной оплатой их труда.

Обедали они долго, завершая дневной перерыв игрой в домино и карты. А в конце работы они выходили радостные, кто в чём: кто в шубах, кто в дублёнках. Сразу видно: идёт рабочий класс!

На следующий день состоялась сдача части сделанной работы заказчику, вернее эксплуататору.

В офис вошли двое: помятый в элегантном костюме и пузатенький в чистой робе. Первый – видимо пьющий начальник; второй, судя по размеру живота – бригадир.

Первый начал осматривать отремонтированное помещение, а второй что-то лепетать ему на смеси русского и украинского.

– «*Ну, ты, Окраина, хватит мне тут воду в ступе толочь! Я и сам всё вижу!*» – грубо оборвал недовольный первый оправдывавшегося второго.

А Надежда, напротив, восторгалась сделанным в её офисе ремонтом:

– «*После ремонта места стало так много! Почти по одному квадратному метру на рыло!*» — поделилась она радостью с Ноной.

А та, удивившись её выводу, посадила пустобрёшку в её же квадрат:

– «*Так ты вырой себе один квадратный метр, и посмотри, много это, или мало!*».

Первые в году дни рождения Надежды и Платона прошли обыкновенно.

Непосредственно на день рождения Платона к нему домой в гости заезжали Анастасия с Антоном – приёмным сыном их двоюродного брата Сергея Комарова из Выксы.

Ещё на Новый год Настасья Петровна пыталась навязать Антона Иннокентию, или вообще семье брата, а самой отдохнуть от поднадоевшего родственника-квартиранта.

Ей естественно было отказано со ссылкой на то, что этого Антона семья Платона видела всего один раз на похоронах Алевтины Сергеевны, и он до сих пор не поддерживал никаких отношений ни с одним из членов семьи Платона, хотя и имел в то время много общего с Даниилом.

И вот теперь Настя решила исправить свою предновогоднюю ошибку и подложить соломки на будущее. Пользуясь удобным и, главное, безотказным поводом, она буквально навязалась в гости к Платону.

На пару с тётей подарив двоюродному дяде большой альбом для фотографий, Антон решил ещё и всех удивить своими кулинарными способностями. Но сделанный им салат Оливье с ананасами у давно избалованных деликатесами москвичей не потянул даже на тройку.

Дабы не мучить всех пустыми, дежурными разговорами, хозяин дома сразу повёл беседу об Антоне, его делах и проблемах, глубоко вникая в них и давая неформальные, дельные советы.

Поначалу удивившийся такому вниманию, Антон с удовольствием принял самое активное участие в обсуждении своих давно наболевших вопросов, связанных с работой, жильём, пропиской и женитьбой.

По всему было видно, что из парня уже вырос современный рвач-хапуга, для которого меркантильные вопросы – главные. Он цинично обсуждал вопросы взаимоотношений разводящихся родителей, а также свои альфонсовские отношения с выгодными женщинами.

Глядя в его беспристрастно-тёмно-карие глаза, Платон даже подумал, что тот знает истину о своём происхождении.

Это косвенно подтвердилось его недовольной гримасой на предложение гостеприимного хозяина вести далее тому самому свою ветвь родословной Комаровых.

И это теперь выглядело лицемерно. Ведь ещё за столом Антон сам провозгласил тост за то, чтобы теперь чаще встречаться. На что виновник торжества сразу же скептически подумал: вряд ли!

После беседы снова подсели к столу за сладкое. Пошли шутки да анекдоты. Платон, как старший, задал тон, но, якобы нечаянно, скатился на фривольности, как всегда «проверяя нового гостя на вшивость». Антон неожиданно подхватил тему, но, не выдержав теста, попался в ловушку.

Постепенно затянувшееся праздничное застолье пришло к своему неумолимому завершению. Настя заторопилась домой.

– *«Ой! Скоро автобусы и троллейбусы перестанут ходить!»* – взволновалась она.

На что у расслабившегося и потерявшего бдительность Антона нашлась просто убийственная реплика, как пружина, вытолкнувшая наружу торчащие ушки:

«Тогда пойдём пешком. Хоть долго, зато пропердимся!».

Все остальные молча переглянулись.

Да! Деревня, есть деревня! – грустно и молча заключил его дядя.

На том и распрощались. И, как и предполагал Платон, Антон опять исчез. Для него, за исключением его приютившей тёти Насти, остальные московские, якобы, родственники были теперь, в общем-то, без пользы. Он даже не звонил Платону по поводу его других известных всем праздников.

Да и единственная дочь Платона Екатерина по телефону поздравила отца с днём рождения только после SMS-напоминания тёти Насти.

А в выходные дни приезжали отметить папин день рождения и Даниил с Александрой.

Провозглашая свой тост за свёкра, и желая ему здоровья, в пожелании творческих успехов, Саша на этот раз как-то уж очень не лестно намекнула всем на творчество Платона, лишь как на творчество для самого себя. И этим поначалу обидела его.

Но мудрый Платон отнёс эти слова, прежде всего к недостаткам её культуры и воспитания, а также к некоторой авторской зависти, как невольной конкурентки-неудачницы. Огорчаясь иногда этим обидным моментом, Платон вспоминал и весьма странное поведение невестки на даче.

В миниатюрной и изящно попке Александры всё ещё иногда играло детство.

Выйдя из веранды в большую комнату, она тихонько вылезла через окно в сад, и через некоторое время, как ни в чём не бывало, вернулась на веранду через обычный, главный и единственный вход.

Её округлившиеся серо-зелёные глаза словно ждали от присутствующих мужа и свёкра удивления или изумления от её проказы.

Ну, что с неё взять? Ведь ребёнок ещё! – решил тогда добрый свёкор.

Ну, а пока, рано стаявший снег словно обрубил раньше времени на редкость неполный лыжный сезон.

Ещё в его раннем конце Платон почувствовал наступление весны и, предвкушая это, лирично заметил:

*Птицы, просохнув от мокрого снега,
На Солнце щебечут. В душе уже нега
Бальзамом струится по телу поэта.
Картина такая в лесу была где-то.*

Физическое самочувствие Платона было стабильным. Все выходные дни и вечера весенних рабочих дней он теперь просиживал за компьютером с прозой, изредка разбавляя его домашними ремонтами и модернизациями.

В начале марта семья Платона получила неожиданное приглашение от Елены посетить Малаховку по случаю полугодовщины смерти Олега Борисовича Кочета.

Но Платон съездил один. Иннокентий был занят Кирой, учёбой и работой. А Ксении что-то нездоровилось, да и не очень видимо хотелось.

Но и муж не настаивал, надеясь без помех повидаться и пообщаться с Танюшкой. Но её там на этот раз тоже не было. Студенческие или какие иные заботы окончательно развели её и Платона. Из её семьи были только одни лишь родители Виктор и Мария.

По взглядам на себя и некоторым их репликам Платон понял, что родители Татьяны в курсе многого и уважают его.

Ещё бы, именно через них, не стесняясь, Платон передавал любовные стихи Татьяне. Видимо и их содержание, и качество ещё больше подняли авторитет Платона в глазах её родителей.

Вот и на этот раз он передал Виктору последнее для Татьяны, а также ему самому лично, как имевшему ещё и двух мальчишек, стихотворение «Сыну», которое Платон писал Кеше, но которое очень понравилось всем сослуживцам, и было автором для них тиражировано. На это Виктор, прореагировал как-то подобострастно, но вполне серьёзно:

– «Спасибо! У нас лежит уже целая стопка!».

Платон поспрашивал его про успехи детей в учёбе, демонстративно специально не интересуясь Татьяной, а также любопытствовал, кто из них, чем занимается. Потом Платон напомнил, что случайно встретил самого младшего, Андрея, который учился в школе около его работы. Виктор же пожелал Платону творческих успехов и радостей от своих детей.

В этом году, после лыжного сезона, Платон хотел было вместе с Ксенией походить в бассейн. Но жена отнеслась к предложению мужа скептически и ленно. Платон же никак не мог собраться сходить одному, и остался дома у компьютера.

Ближе к апрелю, почувствовав лёгкость ног, Платон захотел даже начать бегать по утрам. Но такая крамольная мысль всё же не нашла своего реального воплощения, так как вскоре ноги бывшего спортсмена всё же слегка заболели в голеностопных суставах.

А потом и мартовско-апрельский кашель внёс существенные коррективы в состояние здоровья Платона и его возможности.

В этом году не бывало рано, 12 апреля, в один из своих многочисленных праздников, День космонавтики, Платон открыл дачный сезон.

Но его раннее начало не дало возможности доделать некоторые запланированные на зиму и весну модернизации в квартире.

Зато он увидел нечто, чего никогда ранее увидеть просто не мог.

Подходя 12 апреля к территории своего дачного товарищества, он услышал какой-то непонятный, то ли тихий, то ли далёкий, гул. Через секунды Платон увидел у ближнего к нему

западного берега восточной части пруда-болота, разделённого пополам автодорогой, лягушачий концерт.

Но это не были, с детства привычные для его музыкального уха, лягушачьи кваканья и прочие, сопутствующие им звуки. Это было нечто другое. И не только звуки. Не маленькие лягушки были нежно голубого цвета!?

Такого Платон не видывал нигде и никогда ранее.

Лягушки были голенасты. От этого их копошение в воде выглядело смешным. Они надували щёки и гортань, издавая, как раз, тот самый, слышимый Платоном весьма мелодичный звук, но не тот, который все привыкли слышать летом.

Приглядевшись, он увидел и других, совсем тёмных, почти грязно-бурых лягушек, коих было явное меньшинство. Соревнуясь между собой в ловкости наездников, голубые пытались залезть на бурых. Те пассивно ожидали. То ли они были родителями голубых, терпеливо обучающими потомство, то ли их ждущими самками? Кое-где уже образовались, замершие возможно в экстазе совокупления, прочные комки из их тел, иногда даже нескольких.

Всё понятно! Это брачные игры! – решил не юный натуралист.

Тут же он вспомнил, как в далёком детстве отец выписывал им с Настей журнал «Юный натуралист», который Платон почти не читал, ограничиваясь лишь внимательным рассматриванием красочных картинок.

Дурак был! Ведь это так интересно! – почему-то решил теперь не юный.

По весне писатель занялся и зубами. Теперь он решил протезироваться. Но сначала предстояло навести порядок на предстоящем поле брани: удалить несколько зубов и корней. После лечения у парадонтолога, тот высказал мнение, что теперь надо поставить пломбу на один из зубов, предварительно удалив нерв и запломбировав корень.

На этот раз Платону удалось попасть к врачу высшей категории. Стоматолог-терапевт Онишко, круглая, как пышка приятная улыбчивая женщина, заметно старше любимого возраста Оноре, без умолку болтая с подругой, принялась за работу.

Платон рассчитывал на несколько посещений, начиная с рентгена, но всё вполне обошлось одним. Обладая высшей квалификацией, она быстро рассверлила боковину зуба, продула полость сжатым воздухом и лихо насухо залепила её наспех состряпанной пломбой. Пальцем убрала лишнее с зуба, и молча оставила пациента слушать продолжение пустого бабского разговора.

Опять попал! Опять на суходрочку нарвался! – пронеслась обидная мысль в помутившемся сознании Платона. Прошлый раз у якобы Дёминой... Знакомый почерк Инны Иосифовны! Теперь вот, наверно, у хохлушки-болтушки, не уважающей коренных москвичей?! – продолжал сожалеть он.

Через несколько дней Платон, удручённый происшедшим, всё же принялся удалять корни зубов из разных мест своих ослабших челюстей.

В один из последующих выходных дней его, на обратном пути с дачи, ожидал не менее романтический случай в электричке, чем встреча с лягушатами у пруда.

Сероглазая, стройная, идеальной упитанности и фигуры, красивая, молоденькая девушка-блондинка, в окружении трёх парней, произвела на Платона весьма сильное впечатление заботливостью о своих товарищах, какой-то необыкновенной женственностью, добротой и лиричностью.

Ещё увидев её, курящей с товарищами в тамбуре, Платон подумал про себя: Надо же, такая симпатяга и курит? Жалко!

Видимо эти мысли отразились на лице Платона. Девчушка надолго, глядя через стекло двери вагона, тоже задержала взгляд на весьма зрелом дядечке в ярко-зелёном спортивном костюме и чёрной с орнаментом яхты и надписью «Care Town» бейсболке.

Платон, сидя на крайнем у прохода месте, во втором ряду к ней лицом, и видя, как она второпях расправляется с, надеясь, всё же ненавистной ей папиросой, вдруг неожиданно для себя осенился мыслью: Сейчас она войдёт и сядет напротив меня. А из троих парней – место рядом только для двоих. Ещё попросят меня пересесть?! Ну, фиг им!

И действительно! Девушка решительно открыла дверь и, не сводя с Платона глаз, сразу направилась в его отсек, с улыбкой сев напротив, одарив провидца долгим взглядом очаровательных, но под пивным хмельком, голубо-серых, чарующих глаз. Парни безропотно расположились рядом. Её кавалер сел около своей дамы, из-за чего той пришлось передвинуться на среднее место. Другой сел через проход лицом к Платону. А третьему она сама указала среднее место около Платона. По всему было видно, что ребята смирные, предармейского возраста. Блондинка стала угощать своих товарищей чипсами с сыром, не забывая никого и не нарушая очередность.

На следующей станции в вагон с пассажирами вбежал взрослый щенок – смесь овчарки с дворнягой. Судя по ошейнику, он, скорее всего, потерял хозяина. Кобелёк сразу же завертелся на месте. Но уловив призывный запах, чётко запеленговал его направление. Сначала его ищущая мордочка появилась в проходе между рядами, а потом свернула к так вкусно пахнущей молодёжи. Девушка сразу вся востепенулась, позвала собаку, начала любовно трепать и гладить её, при этом беспрестанно угощая. А кобелёк был красив и строен.

Жалко, что я еду домой, а не на дачу! А то бы взял сторожам, они просили – молча, рассуждал про себя Платон, вслух лишь прокомментировав:

– *«Ну, всё, ребят! Ваша закуска закончилась!»*.

Платона так и подмывало тоже приложить свою ручищу к холке малыша. Но он знал, что как только это произойдёт, то сразу незримая сила, или энергия, соединит их со щенком сердца в одно целое.

Куда мне ещё и собаку? У меня дома четыре кошки, да и у жены крыша без фронтона – в душе всё же сомневаясь, рассуждал он.

Поэтому Платон сдержался.

Поняв, что его больше здесь не угостят, щенок, тонко скуля, побежал дальше по вагону, искать таких же добрых и отзывчивых людей.

Девушка чуть ли не всплакнула, – собачку жалко! – при этом явно переглядываясь с Платоном, следя за его мимической реакцией. А тот, в свою очередь, сразу проникся к доброй симпатяге глубоким уважением.

Моментально вычислив, что удовольствие можно получить только от молоденьких симпатичных блондинок, кобелёк сразу же задержался в соседнем отсеке у трёх молоденьких блондинок, пытаясь разжалобить и их на угощение. Но тем нечем было порадовать этого милого и бесцеремонного мужчину. Затем щенок на время исчез из поля зрения Платона.

Но при следующей остановке он рванул на выход вслед за женщиной с ребёнком, видимо опрометчиво его приласкавшими. Мать, вслух объяснив народу свои действия, поскорее задвинула дверь перед собачьим носом, вынудив того встать на задние лапы и жалобно, вплоть до лая, просить людей отодвинуть такие тяжёлые и непреодолимые препятствия.

Как всегда, быстро нашлись и сердобольные. Одна молодая женщина вскочила и открыла дверь собаке, не разобравшись в сути, незаслуженно обвинив мать в издевательствах над животным.

Представление было окончено, и Платон вновь уставился в пленительные очи. И вдруг та, в ответ, просто впила в его глаза, озорно, любовно и призывно излучая из своих глаз всё что угодно!

И он не мог от них оторваться! Пауза затягивалась.

Он боялся отвести просто так глаза в сторону – значит расписаться в своей слабости, обидеть девушку, которая была так откровенна с ним. И он, тоже озорно улыбнувшись, подмигнул ей. А она, уже широко улыбаясь, в ответ тоже!

После этого он вынужден был сначала отвести свой любовный взгляд в сторону, а потом, вспомнив, посмотреть в глаза её парня, которые в этот момент внимательно и недобро следили за старым совратителем.

Вскоре парень и девушка распрощались с друзьями, и пошли на выход.

В этот момент Платон подумал, что может быть будет ещё какой-нибудь знак? Но продолжения не последовало. Реальность жизни опять поставила всё на свои места!

Позже он сочинил по этому поводу стихотворение:

*Как ромашка на ладони
Распростёрла лепестки,
Так ресницы на просторе.
Украшают взгляд они.*

*Ну, а он, конечно, смелый,
Озорной и голубой.
Я попытки неумелой
Не видал ещё такой.*

*Чересчур он откровенный.
Этот смелый, спелый взгляд.
Ну, а я жене всё ж верный,
Отвечал ей невпопад.*

*Любовались мы беспечно
Красотою дивных глаз.
Расставались ведь навечно.
Расставались мы сейчас.*

Что-то на меня в последнее время частенько стали западать очень красивые молодые женщины, а основном блондинки? Наверно я стал излучать какую-то дополнительную и мощную сексуальную энергию?

С чего бы это? А, ну, да! А ведь многие женщины такие чувствительные! – довольный, молча, рассуждал он сам с собой.

Тут же он вспомнил два случая в стоматологической поликлинике.

В ожидании приёма хирурга – месте весьма далёком от лирики и шуток – Платон наслаждался невероятной тёплой красотой, лет двадцати – двадцати пяти, блондинки, стоявшей почти напротив него и державшейся за щёку со стороны болевшего зуба. Она была прекрасна не только лицом, но и телом.

То рельефно-призывный бугорок её чёрных броек между явно длинными, стройными ногами то и дело заставлял озабоченного, про себя облизываясь, не сводить с него глаз.

То Платон смотрел в её красивейшие небесно-голубые глаза, смущённо отводя взгляд от её ответного, смелого и пытливо-призывного взгляда.

По всему было видно, что женщине приятны и восторженные взгляды ценителя, да и он сам, как потенциальный объект для интеллектуально-сексуальных утех. Но он видел кольцо на её правой руке, был верен Ксении, и не хотел лишних, хотя и очень желаемых, приключений на свою уже изрядно седую голову.

Через несколько дней они встретились случайно и там же. Незнакомка сразу узнала Платона и приветливо заулыбалась ему:

– «Те же и там же!» – набралась она смелости завести разговор.

– «К чему бы это?!» — давно заезженным трафаретом ответил он.

Ещё ей бы оставалось ответить: к дождю! И тогда бы Платон точно вспомнил бы другое время, другие года.

Но она была представительницей уже совсем другого поколения женщин. Платон догнал её после приёма у врача в гардеробе.

Незнакомка не торопилась, словно ждала возможности познакомиться с ним. И старый ловелас не дал промаху.

Слово за слово, он попросил у неё телефон.

А та, видимо тоже терзаясь между нельзя, но очень хочется, решила отложить решение приятного вопроса на потом, неожиданно, но вполне объяснимо, ответив Платону:

– «Лучше при следующей встрече!».

На что юморист не нашёл ничего лучшего, чем ответить:

– «Так к следующей нашей встрече у меня может и зубов не остаться!».

Заливистый смех блондинки выдал её литературную осведомлённость и глубокомысленность.

Они, молча, друг за другом вышли из поликлиники. Надо было что-то решать, что-то делать!

Другого раза, «Потома» конечно, скорее всего, никогда уже не будет.

И он повторил попытку. Но блондинка была непреклонна.

Видимо её счётно-аналитическое устройство, наконец, дало верный ответ на, возникшее было, отвлечение чувств от долга.

Платон вежливо попрощался, пожелав счастья в жизни, и прибавил хода. Спиной он чувствовал грустно-восторженный взгляд незнакомки, и думал: Да, хороша! Очень женственна! Бывают же такие у нас, в Москве, в России!

Позже Платон сочинил по этому поводу небольшое лирическое стихотворение:

«Солнца лучик золотой»

*Засветился как-то в зиму, —
Этот случай не простой
Сразу же попал мне в тему, —
Солнца лучик золотой.*

*Осветил меня всего он.
Даже в сердце он проник.
И весёлым, добрым фоном
Осветил сейчас мой лик.*

*Завладел он сердцем белым,
Разогнал он в нём тоску.
И своим усердьем смелым
Лишь навеял мысль одну.*

*Он попал, проник мне в душу.
Даже в сердце мне попал...*

*Я, надеюсь, не разрушу
То, что годы создавал.*

*Я в любви давно ведь дока.
Трудно соблазнить меня.
Хоть с любого пробуй бока,
Хоть насилуй ты себя.*

*Но приятно в жизни, всё же
Солнца лучик ощутить.
И любовь увидеть тоже.
С Солнцем ведь приятней жить!*

А более чем через месяц, Платон, поднимаясь на второй этаж поликлиники по тому же вопросу, на лестнице лицом к лицу, к взгляду во взгляд, встретился с другой красавицей.

Она была примерно того же возраста, что и прошлая блондинка, но шатенка, немного напоминавшая ему Синди Кроуфорд, потому ещё красивей и шикарней первой.

Любуясь ею, Платон задержал взгляд в её серо-карих глазах.

Та тоже, в его, наверно, в тот момент зелёных. Даже когда она прошла слева мимо него и оказалась на другом лестничном пролёте, много ниже, и теперь уже справа от Платона, они всё ещё не сводили своих восторженных взглядов друг с друга.

Для этого ему пришлось сначала повернуть свою шею до отказа влево, а потом сразу, и тоже скорее до отказа, вправо, наблюдая за красавицей, оценивая её по одежде и внешности, как слишком шикарную для него – без пяти минут пенсионера. Э-эх! Был бы я помоложе! ... и свободным! Тогда.... Но сила инерции и предрассудков развела и их врозь.

По весне Платон послал в Санкт-Петербург все свои стихи за 2007 год, но опять был дядькой не понят, подвергшись с его стороны критике за сексуальные и матерные откровения.

И интеллектуальная дежурная по работе – Галина Александровна, тоже прочитав свежее от Платона, обвинила его в излишнем натурализме. Однако при этом она добавила:

– *«Не давай читать дуракам и завистникам!».*

И это вскоре подтвердилось в вопросе Ивана Гавриловича, который хоть и не получил от Платона чтива о себе, но слышал о написанном о нём от других:

– *«А почему ты написал про меня?»* — допытывался Гудин.

– *«Извини! Народ хочет знать!».*

Тут же между коллегами завязался пространный разговор.

Пытаясь поскорее взять хоть какой-нибудь реванш, Гудин неожиданно заявил Платону по поводу его писанины:

– *«Мало ли кто у нас какой национальности! Тебя же не следует расстрелять (а как бы хотел, будь сейчас 41-ый) за то, что ты белорус?!».*

А тебя бы – следовало, за то, что ты фашист! – молча подумал Платон.

Однако пауза со стороны Платона несколько успокоила Гудина, который тут же поменял тему:

– *«Ты слышал, Зубкова перевели руководителем Газпрома?!»* – почему то возмущённо, больше риторически спросил Иван Гаврилович.

– *«Конечно, ему вместо должности дали деньги!»* — спокойно, но в шутку ответил Платон.

– *«Ну, ты, оказывается, ничего не понимаешь! Таким людям власть нужна!»* – вдруг снова вскипел Иван Гаврилович.

– «Ну, и какую ты ему должность предлагаешь? Второго руководителя правительства?» – удивился непониманию им юмора Платон.

– «Ты это от нищеты говоришь!» – опять попытался хоть оскорблением взять реванш Гудин.

– «Фу, дурачок!» – восстановил ясность Платон.

Через несколько дней у младшего сына Гудина, тоже Ивана, родилась дочка Екатерина.

После рождения внучки весь засиявший Иван Гаврилович сразу заметно изменился в лучшую сторону. Он подобрел, повеселел, стал оптимистичней.

И это, конечно, было на руку добряку и весельчаку Платону.

На Пасху Платон проезжал неподалёку от храма. Уже в своём автобусе он заметил множество верующих.

И у церкви уже толпилось много народу.

Сумрачно-сосредоточенные лица страждущих у храма говорили о том, что должно произойти нечто, напряжённо ими ожидаемое...

Но при выходе из церкви их лица были уже светло-счастливыми.

В рабочее воскресенье, 4 мая, Платон с Ксенией съездили в Никольское на празднование 64-летия мужа Марины, отставного полковника Юрия Алексеевича Палева. Ксения должна была прибыть к назначенным четырнадцати часам, а Платон – по мере возможности, с работы.

Около пятнадцати дня звонок жены по мобильному застал Платона выходящим из метро «Курская». Ксения предостерегла мужа, что из-за отмены нескольких электричек подряд, она только сейчас прибыла на станцию «Никольское». И действительно, бардак на Курском вокзале в этот день имел место.

Однако для Платона он вылился в другое. Из-за отключения какой-то системы, ни в одной из касс невозможно было получить билет по «Карте москвича». Пришлось объясняться с контролёром у турникетов, благо в этот раз попалась женщина понятливая и добрая.

Уже входя в знакомую калитку, Платон услышал призыв жены из-за сплошного соседского забора:

– «Платон! Иди пока к нам! Мы у соседей! У Наташи!».

Бывалого дачника поразили необыкновенный порядок и ухоженность, с любовью и вкусом посаженных и выращенных хозяйкой растений. Было даже чему у неё поучиться.

Интересная для Платона экскурсия завершилась поздравлением Юрия.

Кроме виновника торжества уже под хмельком рядом сидел муж Наташи Борис, за ним чета пожилых соседей, во главе с бывшим зам. министра электронной промышленности СССР.

Платону всё время казалось, что он где-то видел этих пожилых супругов, во всяком случае, мужа. И ближе к окончанию застолья он не удержался и спросил об этом. Но поверхностное рассмотрение возможных точек соприкосновения не дало результата. Однако Зам. Министра долго и пытливо рассматривал Платона и его жену, чем вызвал после окончания застолья вопрос об этом Платона к Ксении. Та просто объяснила мужу:

– «Всё как раз очень понятно и объяснимо! Он увидел в тебе такую же белую кость, что и сам!».

А пока вечерело и холодало. Марина принесла себе и Ксении подстилки на табуретки. Но тут вмешался её муж Юрий Алексеевич:

– «Марии! Принеси, пожалуйста, и для Платона подстилку, а то он тоже простудит свою...».

– «Матку!» – подсказал, было, хозяину Платон.

– «Нет... матку!» – удивлённо засмеявшись, поддержал шутку настоящий полковник.

Вскоре, по инициативе Платона, компания опять невольно вернулась к подзабытой теме секса.

– «Юр, вот слышишь, как Платон...» – невольно с укором мужу высказалась хозяйка дома.

После чего Платон понял, что и у этой зрелой пары тоже есть свои проблемы в сексе.

Мужчины Юрий и Борис уже явно перебрали и начали, лобызаясь, объясняться друг другу в любви. Платон, глядя в глаза жене Бориса Наталии и кивая на сладкую парочку, не удержался от комментария:

– «Так, глядишь, и поженимся!».

– «Типун тебе на язык!» – естественно испугалась, всё это представив, ещё не расписанная с Борисом, Наталия.

Через некоторое время, загрустившая от отсутствия мужниного внимания, Марина сокрушённо вздохнула, явно обращаясь к, обычно этот тост произносящему, Платону:

– «Что-то сегодня тоста за женщин никто не произнёс?!».

– «А что? Уже пора... уходить?!» – лихо вывернулся тот, почти шёпотом произнося последнее слово.

Марина, загадочно улыбаясь на что-то своё, толком не расслышав, пожала плечами. Тогда Платон решил, что лучше этот тост передоверить хозяину и одновременно виновнику торжества Юрию Алексеевичу. Он повернулся и, чуть наклонившись к отставному полковнику, сообщил ему почти на ухо, что Марина жаждет от него тоста за женщин. В этот миг Платон не успел продумать возможные последствия такого своего предложения в данный, не совсем подходящий, момент перепития, и результат сразу же не замедлил сказаться.

Юрий Алексеевич встал, слегка пошатываясь, поднял правой рукой рюмку с водкой, любезно регулярно подливаемой Борисом, заложил свободную левую руку за спину, будто приготовился фехтовать, и, сохраняя ровную спинку, начал произносить тост за жену Марину. Он говорил много, красиво, ласково, и даже любовно!

Так, что? Он так будет говорить о каждой?! – пронеслась в голове подстрекателя забавно-тревожная, озорная мысль.

Нет, Юрий Алексеевич совершенно забыл о других женщинах. Платону пришлось вполголоса напомнить:

– «Юр, тост же за всех женщин!».

– «Да, Правильно! Я прошу и всех присутствующих здесь женщин — вернулся, было, полковник в нужное русло – тоже выпить за мою любимую жену Марину!».

Сразу понявшие, и сразу засмеялись. А не сразу понявшие, коих всех представила Ксения со своим поясняющим комментарием, сначала опрокинули рюмки, а уже потом вдоволь рассмеялись.

В конце пиршества, уже сами переставшие пить, Борис и Юрий пытались всё-таки, как-нибудь спить и Платона, но безуспешно.

Тогда Борис попытался опустить непокорного.

Он сначала расспросил Платона, чем тот занимается, где живёт, на чём ездит. Он явно искал у него слабинку. И, по своему мнению, нашёл! Это был автомобиль. Волга Платона против его ино внедорожника.

Борис пытался доказать преимущество своего авто. Платон и не спорил, пытаясь лишь объяснить зазнайке, что по принятому для оценки полезности, например, вооружения, критерию «эффективность – стоимость» его Волге, при её условиях эксплуатации, просто нет равных!

Но инспектор Газпрома был далёк от высшей математики и сложной системотехники. И когда он, всё ещё не слыша, начал влезать уже в детали по поводу мощности двигателя, вдруг вмешалась Ксения. Она строго и менторски посадила нувориша на место, объяснив ему, что у Платона, в отличие от него, нет необходимости каждый день ездить на работу из области, так как бесплатное метро у подъезда, а до работы – ближе чем, до гаража.

Борис так и сел на отведённое ему место. Но не столько от аргументов, сколько от напора возмущённой женщины. А тут ещё и Платон решил расставить все точки над *i*, обращаясь персонально к пьяной парочке:

– *«Мужики! Важно не то, какая у мужика пиписка, а то, сколько он в своей жизни совершил удачных соитий!»*.

Под всеобщий удивлённый хохот, беспредметный спор завершился.

Вскоре все разошлись и разъехались.

А на работе Платона всё шло своим чередом.

Однако увидев в отношении к себе со стороны Надежды политику двойных стандартов, Платон несколько потерял теперь интерес и к работе и к сотрудникам.

После редкого, но срочного утреннего посещения Платоном поликлиники, Надежда неожиданно вскипела:

– *«Я тебе сказала... больше, чтоб никакой поликлиники по утрам!»*.

С этого года коллектив ООО «Де-ка» пристрастился к чешскому пивному ресторану «Пилзнер» на Покровке. После одного из таких редких обедов, возвращаясь по внутренней стороне бульварного кольца к Воронцову Полю, все зашли в знакомый Платону с далёких времён Детский городок.

И Платон вдруг вспомнил эти посещения. Они как будто быстро замелькали перед его глазами яркими, красочными картинками.

Позже он добавил к своим воспоминаниям и необыкновенный вкус газированного напитка – наверно лимонада – с чем-то вприкуску, наверно с коржиком.

Там же он впервые, ещё неосознанно, почувствовал и неизведанные эротические ощущения при виде симпатичных девочек, высоко залезавших по стене, качающихся на качелях и прыгающих через верёвочку...

Как длинная верёвочка ремонта не вилась, но и она закончилась. Платон возвратился на своё старое, но отремонтированное место. И у него от тишины, как от счастья, поначалу даже чуть ли не закружилась голова.

Платон сидел теперь один в своём рабочем помещении. Появилось больше свободы. Никто не мешал, не отвлекал ненужными разговорами, пустой болтовнёй.

Теперь можно было спокойно творить: никто не подсматривал, и сплетничать теперь стало не с кем и не о чем.

После ухода Платона на своё постоянное рабочее место, Гудин не преминул злорадно проводить его:

– *«За мой стол больше не садись!»*.

– *«Ты его обоссал, что ли?!»* – грубо было ответил Платон, тут же поправляясь:

– *«Я имел ввиду, осквернил!»*.

Платон думал, что Гудин опять обидится на него, но нет!

Во время наклеивания этикеток, Платон уронил одну банку на пол и решил, что поднимет её, откатившуюся на значительное расстояние, позже.

Когда вошёл Гудин Платон решил не утруждать его и, как футболист, попросил того лишь подбить банку ногой в его сторону.

Какого же было удивление Платона, когда Гудин нагнулся и рукой поднял банку, передавая её Платону со словами:

– *«А что? Мне трудно, что ли?!»*.

Да! Растёт Гаврилыч в моих глазах! Ещё не всё в нём потеряно человеческое! – удовлетворённо подумал Платон.

В очередном разговоре Гудин поведал ему о новых решениях Думы, на что Платон, обрадовавшийся собеседника, заметил:

– *«Наконец-то Дума додумалась, что российский народ состоит не только из олигархов и чиновников, и приняла поправки к закону, увеличивающему количество майских праздничных дней за счёт январских!».*

А далее уже Иван Гаврилович умиротворённо предложил:

– *«Пойдем, покурим!».*

– *«Как это?!»* – удивился Платон очередной глупости коллеги.

– *«Ну, я покурю, а ты... постоишь!»* – не унимался нахал, издеваясь над некурящим Платоном.

– *«Давай, ты лучше в туалет вместе со мной сходишь. Я по-большому, а ты... понюхашь!»* – расставил всё по местам Платон.

Но Гудин на этот раз затаил обиду, ожидая подходящего случая для реванша.

Через несколько дней Платон поделился с Иваном Гавриловичем недавно услышанным:

– *«Виктор Ерофеев сказал в «Апокрифе», что люди добрые, с чистым сердцем, и живут более шестидесяти лет. А те, у кого камень на сердце, чья совесть нечиста, и умирают раньше!»* — как товарища, обрадовал поначалу Гудина Платон.

– *«Вот, видишь, мне уже шестьдесят пять лет и я живу. А тебе пока только пятьдесят девять! Тебе осталось ещё год!»* – подразумевая, что ещё неизвестно, пройдёшь ли ты этот рубеж, схамил Гудин.

– *«Так умирают рано те, у кого хоть совесть есть!»* – быстро нашёлся и отомстил ему Платон.

Тут же Гудин похвастался вошедшей к Платону Надежде:

– *«Мы, вот, поставили холодильник!».*

– *«Да, добавок крепко, на хороший фундамент!»* – добавил Платон, тонко намекая на своё главное участие в этом деле.

– *«Теперь дело за тобой, промыть его изнутри!»* – не преминул дать указание начальнице Гудин.

– *«Внутренние болезни – дело женское!»* – уточнил Платон.

На обновлённое место за столом Платона вскоре подсела перекусить и новая уборщица Нина Михайловна. Она поделилась с хозяином помещения своими домашними проблемами, жалуясь на зятя:

– *«А он занимается хиромантией!».*

– *«Как это?!»* – нарочно спросил Платон.

– *«Гадает по руке!».*

– *«А я-то подумал, что... презервативами!»* – сдохмил насмешник, пытаясь этим закрыть неинтересную для себя тему.

Постепенно их общий холодильник стал заполняться продуктами, поначалу, в основном, принадлежащими Платону.

Глядя на помятый тубик из-под хрена, только что возвращённый Надеждой и Ноной, не то радостно, не то возмущённо, Платон не то спросил, не то констатировал, ... как трус, в присутствии лишь мужчин:

– *«Девки! Вы мне весь хрен отсосали!».*

– *«А ты и не заметил?!»* – не преминул влезть со своим комментарием бывалый Алексей.

– *«От кайфа!»* – внёс неясность балбес Гудин.

В последнее время как-то оживился Алексей. Видимо дела у него пошли лучше.

Полукуров как-то опрометчиво высказался о евреях:

– *«Во всём виноваты евреи!».*

Но тут же осекся, увидев Платона, тихо прокомментировавшего Гудину:

– *«Хотя бывают и такие, готовые продать своих!».*

Еврейские штучки Алексея периодически всё же проявлялись. То он заставлял новыми коробками рабочее место Платона, а то он при аврале при наклейке этикеток взял и увёз часть готовых коробок сверх планового заказа, тем самым заставив Платона делать дополнительную работу в ночное время.

Тогда Платон решил действовать по давно использовавшемуся им старинному принципу – бить врага его же оружием. Он обставил рабочее место Алексея избытком готовых коробок, которые тот должен был вывезти заказчику, но задерживался с этим.

В результате нижние коробки под воздействием веса верхних, слегка сплющились, а вся их стопка угрожающе наклонилась, позже обрушившись на стол Алексея и его компьютер. К счастью всё обошлось без ущерба.

Другой раз Платон сразу первым пошёл в атаку:

– *«Опять проспал?!»* – язвительно спросил он Алексея, отдавая ему давний должок.

– *«Или пробки?!»* – добавил он, не дождавшись ответа опешившего коллеги.

– *«...в ушах!»* — теперь уже ещё и уточнил он молчащему Алексею.

И это молчание было весьма странным, потому, что капризность Алексея проявлялась часто при его возмущении кем-либо, доходя даже до скандальности.

– *«Что, никто не мог отключить всего одну кнопку? Все же с высшим образованием!»* – шкодливо возмущался он на просьбу Надежды отключить от общей сети электрошкаф с неработающим рубильником.

– *«Алексей! Даже люди без всякого образования и то знают, как в словах каталог и квартал правильно ставить ударения! А тут ты предъявляешь претензии врачу и биологу!»* – выдал Платон пламенную тираду, и нарочно, исключая из этого списка себя – технаря, а подразумевая лишь Гудина и Павлову.

Так как ведь именно он несколько раз и пытался выключить нужную клавишу, но та всё время возвращалась в исходное положение.

Другой раз Платон при всех возвратился к этому же вопросу:

– *«Безобразие! У людей высшее образование! А они грамоту не знают!»*.

– *«Нотацию»* – быстро нашёлся несколько смутившийся Алексей, даже здесь, чисто по-еврейски пытаясь приподнять себя над толпой.

Вскоре это подтвердилось его новым возмущением на высказывание Гудина по поводу какого-то нового закона, принятого Думой:

– *«Возмущаться этим законом могут только люди, далёкие от этого вопроса!»* – начал, было, он.

– *«Но недалёкие вообще!»* – тут же добавил перца Платон.

Алексей Ляпунов периодически, при любом удобном случае, закладывал своих коллег, иногда, но в основном по вполне объективным причинам, опаздывавших на работу.

– *«А Лёшка тебя заложил Надьке!»* – по-дружески предупредил Платона Иван Гаврилович.

– *«Во! Стукачок-казачок!»* – тут же вспетушился Кочет.

– *«Это чисто по-еврейски!»* – успокоил его Гудин.

Но опоздания случались и у самого Ляпунова. Как-то раз Надежда Сергеевна предупредила Алексея, чтобы он был на работе пораньше, часов в восемь, так как предстоял длительный развоз товара на прибывшем ещё ночью грузовике.

Однако Алексей или проспал, или занимался другими своими делами, и приехал на своём авто на работу почти к одиннадцати часам, объяснив это пробками на автодорогах после снегопада и перекрытия проезда в ряде мест гаишниками для пропуска им подмигивающих.

В лицемерном ворчании Алексея досталось не только им, но и Путину с Лужковым:

– *«Кто их, этих дураков выбирает?!»*.

После его отъезда Платон возмутился Гудину и Надежде:

– «А кого же тогда выбирать?! Может Абрамовича или Березовского? А то и Гусинского? Нет, наверно Ляпуновича-старшего?!».

Надежда Сергеевна тут же поддержала Платона:

– «Во, какой наглец, придурак! Мог вполне спокойно из Одинцова приехать на электричке, тогда бы не опоздал!».

– «Он нарочно так сделал! Сначала свои дела, потом работа. И опять показывает нам свою незаменимость!» – включился в обсуждение коллеги Гудин.

Это опоздание Алексея в итоге привело к аварии грузовика. Молодой водитель, попав в стеснённые обстоятельства середины дня, слегка ударил «Мерседес», из-за чего пришлось потерять драгоценное время и немалые деньги.

Но, конечно, Алексей на много больше приносил пользы, чем вреда, даже в офисе. И в этом ему не было равных.

После того, как Ляпунов привёл в игровую готовность старый, уже третий компьютер, Иван Гаврилович стал часто играть на нём «в шарики».

Это со временем вызвало возмущение Надежды Сергеевны:

– «Иван Гаврилович, займитесь делом! Вот, когда Вам нечего будет делать, и будете ходить руки в брюки. Вот тогда...».

– «Там шарики и гоняйте!» – точно дополнил Платон.

Выждав паузу, вызванную смехом Надежды и Алексея, Платон продолжил:

– «Ванёк! Ты, наверно, уже на конце мозоль натёр, пока шарики гонял!?!».

Но игрок был уже опьянён и не слушал замечаний. Вскоре Надежде Сергеевне пришлось даже спрятать «мышку».

А кстати о мышке! В одну из обеденных пауз с Платоном произошёл небольшой конфуз.

После мытья своей посуды, стоя вплотную у стола, Платон вытирал полотенцем блюдце. Крючковатые пальцы подвели его и на этот раз. Он выронил блюдце. Инстинктивно Платон сразу прижал бёдра к столу, не давая падающему достичь пола. Но, то умудрилось, лишь задев полы халата, проскочить между бёдрами и разбиться о кафельный пол на мелкие кусочки.

Пока недоумённый Платон смотрел на результаты своего труда, мимо проходивший и всё видевший Иван Гаврилович тонко заметил:

– «Не надо был вчера «Виагру» принимать, тогда бы блюдце не проскочило!».

Посмеявшись над весёлой прозорливостью Гудина, Платон в свою очередь ответил:

– «Но с моим ростом это бы не помогло!».

– «А сейчас ещё начали рекламировать и ... «ВИАРДО»?!» – добавил знаток Гудин, нарочно не произнеся слова «какое-то».

– «Да, слышал! Но:

На любое «ВИАРДО»

Есть помойное ведро!

Желанья, как рукою снимет!

Ну, а возможности – отнимет!»

– сразу уточнил находчивый поэт.

На следующий день, подходя к давно облюбованному месту на платформе метро «Новогиреево», Платон сразу оценил, что он сможет сесть только в следующий поезд.

Теперь его задачей было, при посадке пассажиров на предыдущий поезд, продвинуться как можно ближе к нужному месту у края платформы.

В результате манёвров, после отхода практически полностью заполнившихся вагонов, Платон оказался во втором ряду от края платформы, встав, как всегда, левым боком к её краю и лицом к подходящему составу.

Платон сразу почувствовал себя зажатым между двумя женщинами. Особенно напирала та, что оказалась сзади.

Она пыталась просто выдавить седого интеллигента с его места, своим предпринимательским правым, в смысле части тела, плечиком сильно давя Платона в спину.

Но тот выстоял, практически совершенно не сдвинувшись, лишь слегка покачнувшись от неожиданного напора.

Но тут же скромно возмутилась женщина, подпиравшая своим левым плечиком Платона в нижнюю часть его груди:

– *«Мужчина! Не толкайтесь!»*.

– *«А это не я! Вон сзади тётка напирает!»* – раздражённо объяснил он.

А та тут же не преминула встрять в разговор, по привычке поскорее отмазываясь от своей вины:

– *«Мужчина! Влезли тут, и толкается!»*.

Выждав паузу, наполненную непрекращающимся, несправедливым ворчанием на него невидимой ему женщины, Платон резко и неожиданно не только для неё, но и для окружающих, положил этому конец:

– *«Ну, хватит ... пиздить-то!»*.

Воцарившую на мгновение вокруг откровения Платона тишину прервала шарахнувшаяся из-за инстинкта самосохранения, стоявшая справа от него, женщина. Так, на всякий случай, по-инерции.

Тут же вновь заверещала зачинщица:

– *«Мужчина! Вы, что? Я же женщина!»*.

– *«Какая ты женщина? У тебя от женщины только манда осталась! Да и та, наверно, засохшая!»* – неожиданно даже для самого себя схамил вконец возмущившийся от вопиющей лжи и несправедливости, Платон.

В воцарившей паузе чуткое музыкальное ухо, наверно, смогло бы услышать щёлканье рецепторов её бортового компьютера фирмы «Тётя Дуся», лихорадочно вычисляющего возможные траектории движения оконечностей тела супостата и последствия этого.

Через мгновение возвратившийся шумовой фон скрыл несколько, поблизости раздавшихся, скабрёзных смешков.

Пререкания сторон завершились напряжённым ожиданием приближающегося поезда. Когда двери вагона поравнялись с Платоном, он допустил ошибку, забыв о женской мести. Он забыл высказывание мудрых, что на свете нет существа злее и коварнее, чем женщины. При открытии дверей, его недавняя оппонентка, не желая пропускать вперёд вредного мужчину, толкнула своими не хилыми телесами толпу вправо.

Однако Платон успел сделать шаг вперёд и опереться правым плечом в ребро дверного проёма, чтобы не быть вытолкнутым за желанные границы. Поэтому, вместо желаемой посадки влево, он вынужден был уйти от толпы вправо, успев сесть на второе место от двери.

Опять у меня с бабами конфликт в метро! И что это они на меня всё прут? Мужики так себя не ведут! А как она испугалась мата?! Как и прошлый раз! Ничего не поделаешь! Придётся этот приём пока оставить на вооружении – размышлял он, постепенно приходя в себя и восстанавливая душевное равновесие.

На работе ему первой встретилась Галина Александровна. Поскольку ещё было некоторое время до десяти часов, Платон не отказал себе в удовольствии побеседовать с бывалой московской интеллигенткой.

Постепенно их беседа коснулась и творчества Платона.

– *«Самое смешное, это слышать о своём произведении от человека с отвисшей нижней челюстью: «Ничего... ничего! Продолжай работать!» При этом его челюсть так и остаётся отвисшей, возможно, до следующей части, окончательно опускающей её до земли!»*.

– «Да, Вы правы!» – согласилась она с, поделившимся о наболевшем, автором.

Платон показал Галине Александровне последние наброски. Та, прочитав написанное им, не удержалась от доброго напутствия:

– «Платон Петрович! Продолжайте сеять разумное и доброе!».

Однако вошедший недобрый не позволил разговору продолжиться.

Коллеги вместе вошли в свой офис и прошли к столу Гудина. Тот – на своё место, а Платон – попить воды – к стоящей рядом тумбе. Он машинально взял свою чашку и, нечаянно взглянув вовнутрь, обомлел:

– «Смотри! Из моей чашки пили, но не помыли! Ну, и в монастырь же я попал?! Ни культуры, ни гигиены?!» — произнёс он вслух для Гудина.

А про себя тут же подумал: Ну и хрен с Вами! Это Вы должны меня бояться, а не я Вас! Я не брезгливый и мой иммунитет выше!

И потому он стал пить из всех чашек подряд, лишь споласкивая их.

Позже Платону предстояло съездить с Гудиным в одну организацию. В проходной предприятия их спросили:

– «Вы с какой фирмы?».

– «Онарион!» – бодро ответил Иван Гаврилович, демонстрируя, что он здесь, из двоих, главный. Но не тут-то было.

– «А Вы?» – снова обратилась к нему работница бюро пропусков.

Возможно, что даже эта мелочь обидела Ивана Гавриловича, но к ней добавилась и следующая.

Чуть позже, уже перед обедом, он, посланный начальницей вместе с Алексеем в магазин, пришёл недовольный своими побегушками, и, решив снова себя несколько возвысить, похвастался, какую качественную еду они купили. Но Платон попытался снова приземлить его.

– «А хлеба взяли?» – неожиданно спросил он Гудина.

– «Ты, что? Придурок? Конечно...» – наконец оторвался тот в хамстве.

– «При тебе! Конечно!» – соглашаясь с ним, уточнил Платон.

Однако последующие обстоятельства опять несколько примирили и сблизили Гудина и Платона.

Как-то Алексей пытался зажилить 2400 казённых рублей.

Накануне Платон, по давно всеобщему принятому правилу, положил эту сумму от продажи им биодобавок пенсионерам в верхний ящик стола Надежды, которая была больна.

Утром все занялись своими делами. Когда же, ближе к полудню, Надежда по телефону спросила о подобных делах Гудина, тот сообщил, что вырученная им сумма лежит в кармане его пиджака.

После этого звонка встрепенулся и Платон:

– «Вань, посмотри в столе. За вчерашнее ещё две четыреста должны быть!».

Гудин, в отсутствии начальницы с удовольствием сидевший за её столом, выдвинул его верхний ящик, и, шаря в стоящих на ребре бумагах, пытался отыскать деньги. Подходящий к столу Платон и сам увидел, до сообщения Ивана Гавриловича, что их там нет.

На всякий случай посмотрели и ниже. Тоже пусто. Гудин пропустил Платона к столу, чтобы тот сам смог в этом убедиться.

Но денег там всё равно не было.

Для Платона стало очевидным, что взять их могли только Ляпунов или Гудин, и никто больше.

Поначалу он решил, что накануне вечером, всего боящийся Алексей, эти деньги специально взял с собой. Но, когда тот вскоре прибыл на работу, выяснилось, что он в стол даже не заглядывал, зная, что в последнее время деньги обычно передавались лично в руки Надежды.

Вот, тебе..., на?! Один из двоих – вор! И врёт нагло! – про себя возмущался Платон.

Сначала он естественно подумал на Гудина, давно грешившего мелкими кражами. Но тот перевёл общее подозрение на Алексея. Дальнейший ход событий подтвердил эту версию, но полностью не исключил и предыдущую.

К концу рабочего дня снова позвонила Надежда Сергеевна, и теперь уже Алексей сообщил ей о пропаже 2400 рублей из её стола. Та сразу вспомнила о деньгах в её сейфе в маленькой, тёмной кладовке. По её заданию Ляпунов ринулся туда. Вскоре он вернулся весь красный и возбуждённый:

– *«Нас обокрали на несколько сотен тысяч рублей!»* – сообщил он с выпученными глазами новость, внезапно ставшим хрипловатым голосом.

Тут же перезвонили Надежде. Позвали дежурную и коменданта. Стали обсуждать ситуацию. Алексей всё время настаивал на вине дежурных, пропускающих в медицинский центр всех подряд. Мудрые Платон и Гудин утверждали, что это могли сделать только свои. При этом Платон, глядя коменданту Ноне в глаза, кивком головы показывал на Алексея.

Несправедливо обиженная Алексеем дежурная сама же предложила вызвать милицию. Но такое предложение враз напугало коменданта Нону Петровну и Алексея Ляпунова. Первой не нужна была огласка о краже на вверенной ей территории. А второй прямо с испугом заявил:

– *«Так там теперь мои отпечатки!»*.

В результате обсуждения решили до приезда Павловой ничего не трогать.

Волнение охватило всех участников обсуждения происшедшего.

И лишь один Платон сохранял спокойствие и пытался успокоить коллег:

– *«Как известно, чудес на свете не бывает! Мой богатый положительный опыт поиска и нахождения неожиданно пропавших вещей, подсказывает, что, скорее всего, наиболее вероятней, Надежда вчера вечером сама не закрыла сейф, так как была под высокой температурой и спешила домой, а деньги куда-то экспромтом запрятала в нештатное место, а теперь забыла!»*.

Вскоре явилась и сама взволнованная, раскрасневшаяся и запыхавшаяся начальница. Немного отдышавшись и выслушав все версии, она направилась с Алексеем в «тёмную» комнату. И почти сразу с радостным визгом вернулась обратно:

– *«Деньги нашлись! Платон был прав!»*.

Но самое удивительное, вскоре Алексей полез во второй сверху ящик стола начальницы и с удивлением вынул оттуда те самые 2400 рублей Платона. Вот это да! Платон сразу понял, что злоумышленник, будь то Гудин, или Ляпунов, испугался, что в случае чего на него повесят ещё и эти несколько сотен тысяч из сейфа, и решил по мелочам не рисковать.

Так Платон окончательно и не понял, кто это. Но Гудин периодически вспоминал этот случай, греша на Алексея.

Тогда Платон саркастически отвечал ему на эти возможные действия Алексея, тонко подразумевая самого Гудина и возврат злоумышленником поначалу утаённых денег:

– *«Если фортуна отвернулась от тебя, то, хотя бы, поймей её сзади!»*.

Дома Платон снова сел за компьютер. Отбиваясь от электронной почты сына, он невольно пришёл к выводу:

*Кто стучится в комп. ко мне
С розей Аськи на стекле?
Это он... (это понт)
Мой компьютерный Beau monde!*

Глава 2. Ожидание лета.

Начавшийся в марте, после окончания лыжного сезона, сильный кашель заставил, вконец замучившегося Платона, в начале мая временно прекратить приём своих лекарств от ревматоидного полиартрита, имевших множество побочных действий, в том числе и в виде астмы и кашля. Одновременно он начал искать возможные причины этого кашля.

Жена Платона Ксения приняла в этом, естественно, самое деятельное участие. В своём анализе и умозаключениях она зашла даже очень далеко:

– *«У тебя кашель, скорее всего от... мозгов!»*.

– *«Так может тебе на эту тему докторскую защитить?!»* – поинтересовался муж.

Даже в зрелом возрасте Платон иногда относился к жене, как к сопливой девчонке, прощая ей редкие ошибки, шалости и едкие высказывания.

Всё началось с поликлиники по месту жительства. Платон теперь посещал её только вечерами после работы. Его внимание привлёк контингент посетителей. Это были почти одни женщины, причём пожилого возраста. У него невольно мелькнула мысль, что, как по Гоголю, редкий мужчина дойдёт с жалобой на здоровье до врача. Или вообще ... доживёт до этого.

А тем временем в России вступил в должность новый президент, и Платона осенило: Из Питера приходит не только погода, но и... президенты! Что теперь будет с Россией?! Надеюсь на лучшее. Для этого теперь есть все основания. Хотя мы никогда богато не жили, да и привыкать не стоит!

Холодным и дождливым маем, Платон дописывал последнюю главу своего романа-эпопеи. Природа словно решила не мешать писателю, не соблазнять его хорошей погодой.

И в этом автор видел знак судьбы! В этот момент он подумал про себя: настоящий воин воюет и ... в поле!

Теперь у Платона вечерами появилось больше возможности сидеть за компьютером, так как жена Ксения стала реже сидеть в «Одноклассниках».

Более того, она и несколько успокоилась по поводу излишне большого количества молодых и красивых женщин, влезших на страницу к Платону, где на фотографии 1976 года он выглядел почти, как Ален Делон.

Приехавшая из отпуска в Египте, Нона посоветовала Платону:

– *«Платон! Тебе надо обязательно съездить в Египет!».*

– *«Зачем? На крокодилов я и здесь насмотрюсь!»* – пошутил Платон, кивая на Надежду и Гудина.

Позже он уточнил Ноне:

– *«Да Надька всё поёт: поезжай в Египет! А сама ведь не пустит, если даже в поликлинику сходить – проблема!».*

Но трения в отношениях между Платоном Петровичем и Надеждой Сергеевной заключались и в другом.

Как женщина, чувствуя критическое и даже иногда насмешливое отношение Платона к её высказываниям, Надежда часто неуклюже пыталась обелить себя в его глазах. И иногда дело доходило просто до смешного. Платон часто по пути на работу отоваривался в ближайшем магазинчике, покупая себе еду к обеду. Он это делал, чтобы сэкономить время, и чтобы его,

как мальчика, не посылали за кормом для всех, – что он считал уделом Гудина. Когда Надежда узнавала об этом, она немного расстраивалась и часто сама ходила за прикормом.

– *«Вот, видишь? Я, как честный и порядочный человек, купила еды на всех!»* – с укором как-то объявила она Платону.

Ещё бы! Ты купила еды на всех на общественные деньги, которыми монопольно и распоряжаешься! А я, на какие шиши их купил бы? А потом бы ещё выслушал капризные и беспочвенные претензии, что купил не то, не того качества и свежести! Да ну Вас на хер, с вашей едьбой! – про себя мысленно продолжил диалог с Надеждой Платон.

На следующий день он не стал спешить со своими покупками, и в результате оказался голодным. А всё потому, что Надежда Сергеевна в этот раз решила не тратиться на своих сотрудников, о чём никому заранее ничего не объявила. В этот раз её честность и порядочность куда-то вдруг внезапно исчезли.

Вот и слушай её в следующий раз!? Что «хотит», то и творит! – опять молча сокрушался Платон.

В результате этого и Гудин, готовый даже отравиться дармовщинкой, оказался «на бобах», вернее без оных. Поэтому Платон частенько посмеивался над Гудиным. В ожидании халявы, тот готов был голодать, ждать допоздна, до последнего, лишь бы получить свою бесплатную шакалью похлёбку-пайку из рук царственного Ширхана – Надежды Сергеевны. И Платон лишний раз убедился, что Надежда, по своей сути, даже полное говно. Её лицемерие и ханжество не знали границ.

То она по-дружески подсказывала Платону диагнозы его болезней, чем и как лечиться, куда для этого следует обратиться.

А то, вдруг, возмущалась тем, что Платон ходит по врачам иногда в рабочее время. Как будто многие из них принимают в другое время?

Хотя она сама, вставляя зубы, отсутствовала целыми днями, причём в течение почти месяца, при этом гордясь тем, что ей делают тщательно, долго и дорого.

Так, в основном, и протекала совместная работа Платона и трёх его сослуживцев, сидящих от него за стеной. Как обычно, через стену отчётливо слышались гул Гудина, иногда надолго перебиваемый громким, почти визгом, Надежды Сергеевны. Когда же за стеной вдруг становилось тихо, Платон понимал, что это, скорее всего, своим негромким голосом их поучает гениальный Алексей.

Тридцать три дня и тридцать три ночи мучился Платон от сковывающей всё тело, становившейся всё нестерпимей боли. Особенно, почему-то, пострадала область правого колена. И болело оно, главным образом, ночью, во, вроде бы, покое, в то время как его хозяин никак не мог найти ему места.

Лежание на любом боку почти тут же вызывало сильную боль в правой ноге, иногда, неожиданно проявлявшуюся даже в стогах во время сна. А лежание на спине неизменно приводило к храпу и, как следствие этого, лёгким толчкам, а то и к шутивым, даже ночью, посвистываниям озорной жены Ксении.

Чувствуя неудобство и некоторый стыд перед женой, Платон сразу переворачивался на бок в ожидании скорого нового прилива боли. Каждый день жить с болью – это, в принципе, невыносимо.

Но Платон выносил, и это, и другое...

Поиск причин кашля Платон решил вести как раз в то время, когда его участковый терапевт ушла в отпуск.

Ксения надоумила мужа воспользоваться поликлиникой РАМН, к которой Платон был давно прикреплён, но очень редко ею пользовался.

И вот такой редкий, опять летний, случай представился.

Платон добросовестно прошёл поликлинику по цепочке: терапевт – обычные анализы – рентген – функция внешнего дыхания (ФВД) – УЗИ – и снова терапевт. После чего он был направлен в противотуберкулёзный диспансер.

Но и там ничего подозрительного не обнаружили.

Затем последовал пульмонолог в окружном диагностическом центре. Опять ФВД – рентгенолог. Затем томография лёгких в платном диагностическом центре. Результат тот же – ничего нет!

И только по собственной инициативе совершённый Платоном поход к отоларингологу и платный тест на микрофлору горла дал некоторый результат. У Платона в горле обнаружили пресловутый, очень популярный в народе и на телеэкране, грибок «Candida albicans».

В конце концов, стала было вырисовываться и причина кашля. Во всяком случае, одна из них.

После этого диагноза Платон возвращался домой просто окрылённый.

Не успев войти в дом, он с порога радостно прокричал жене:

– «Ксюха! А во мне нашли грибочку! Я теперь – гриб!».

– «Какой? Подберёзовик, или подосиновик?!» – удивилась радостной шутке мужа Ксения.

– «Судя по волосам – белый!» – ответил Платон.

– «Или сморчок?!» – посудила она не по волосам.

– «Нет! Скорее боровичок!» – подумал он не о том, о чём подумала его проницательная жена.

Платон теперь снова вернулся к своим традиционным нестероидным противовоспалительным средствам (НПВС), и результат не замедлил сказаться.

Боль стала понемногу стихать. Платон надеялся, что уже в приближающемся отпуске сможет играть в любимый с детства футбол и кататься на велосипеде.

Лишь позже радость Платона была несколько омрачена новостью от специалистов, что «Candida albicans» на его кашель может и не влиять.

Надежда Сергеевна с жаром объясняла Платону, что врачи ничего не знают и не понимают, а у него явно, как, главное, было у неё самой, начало астмы.

Заботливая начальница сразу «прописала» своему подопечному лекарства, и каждый день спрашивала, начал ли он их принимать.

В доказательство своей правоты, Надежда громко, чуть ли визгливо, почти кричала, приводя примеры и аргументы, в том числе наверняка ею только что придуманные.

Увлёкшись, она не заметила какого-то вопроса или просьбы Гудина.

– «Да помолчи, ты! Я тебе говорю!» – не выдержав, гаркнул Гудин на Надежду.

Платон, не исключая её правоту, всё-таки всегда доверял врачам.

Да и в лечении он всегда был дисциплинирован. К тому же от обилия и разнообразия принимаемых лекарств можно было не понять, от какого из них началось улучшение. По этой причине, кстати, он не стал пока принимать лекарства Надежды, которые с её слов должны были сразу дать эффект.

Ксения же предложила, во всяком случае пока, плюнуть на все добрые-вредные советы, и заняться излечением кашля и его возможных причин.

Платон не стал «грузить» своих детей лишней информацией о болезни их родителя. Ибо для него не было ничего более приятного, чем улыбки на лицах его наследников.

Платон сходил в гараж, отремонтировал пусковое реле стартера, подзарядил аккумулятор, и сходу завёл машину. Та слушалась. Перед техосмотром предстояло лишь отремонтировать звуковой сигнал. Но у Платона не было под рукой необходимых справочников. И в поиске их или специалистов он отложил ремонт на неопределённое время.

Наконец в Москве началась жара. Проезжая на трамвае, Платон увидел, как на зелёных обочинах вдоль периферийных дорог, в тени редких деревьев стали появляться отдыхающие от зноя бомжи и собаки. Сморенные жарой и случайным куском хлеба, они спали, как убитые.

Возвращаясь пешком с работы, Платон шёл по Устьинскому мосту. Лёгкий, свежий ветерок обдувал всё его тело, доставляя ему истинное наслаждение от всё же наступившего тепла.

На этот раз московский воздух на редкость был чист и свеж. В его запахе даже ощущался привкус не так давно прошедшего дождя.

Готовясь к летнему, дачному сезону, Платон приобрёл диктофон, позволявший ему теперь оперативно фиксировать на аудио плёнку всё ценное, пришедшее в его голову. Автор не мог не порадоваться этому приобретению.

Теперь ни одна идея, фраза, мысль не могли проскочить незамеченными мимо бесстрастно фиксирующего их технического устройства.

С каждым годом Платон всё больше замечал, как преобразуется, просто преобразается земля русская, в частности московская и подмосковная. Мир богател, богатела земля, страна и люди.

И всё это происходило вокруг Платона. Особенный прогресс был в области электроники, про который даже и говорить-то нечего, просто фантастический! Одни мобильные телефоны чего стоили.

В ожидании Ксении, ходящей по магазинам станции Бронницы, Платон присел на горизонтальную металлическую трубу, предназначенную для крепления лишь велосипедов, для чего к ней были приварены под углом небольшие обрубки арматуры. Однако Платон нашёл где-то место и для своего зада.

Когда появилась Ксения, Платон, поднимаясь с места, гордо заявил ей:

– *«Вот видишь, какое преимущество моего треугольного зада? А ты всё недовольна!».*

– *«Ха-ха-ха!».*

Лишь в ночь с 12 на 13 июня, в связи с затянувшимися прохладными ночами лета, Платон с Ксенией впервые ночевали на даче.

Вечером хозяин ощутил, как различные приятные запахи лета, перебивая друг друга, наполняли воздух, вызывая чувства радости и наслаждения.

И уже поздно вечером, на втором этаже, в уютной спальне, созданной заботливыми и умелыми руками супругов, Платон и Ксения лежали на широкой кровати перед цветным телевизором в верхнем, правом углу, и наслаждались негой тёплого, вкусного воздуха и пением соловья.

Чуть позже Ксения начала втирать в область правых колена и голени мужа мазь «Хондроксид». Когда её движения стали более осмысленными и ритмичными, Платону вдруг что-то вспомнилось давно забытое, но очень приятное. И он в томлении закрыл глаза, вспоминая то самое, приятное время, надеясь теперь в связи с отказом уставшей жены, лишь на утренние сексуальные утехы.

Наступило утро субботы – первого выходного дня после ночёвки на даче. Опорожнившись и размяв больные конечности, Платон поинтересовался у Ксении:

– *«Ну, ты, как? Готова?!».*

– *«Нет! Рука сильно болит!».*

– *«А зачем тебе рука? Она делу не помеха!»* – несколько sluкавил муж, вспоминая вечерние грёзы.

– *«А ты, что, сам сможешь?».*

– *«Да! Я готов совершать развратно-поступательные движения!».*

Ксения засмеялась. А Платон тут же уточнил:

– *«Хотя не во всех позициях. Плечи, вот, всё ещё болят!».*

И в который раз любимое занятие всякого народа пришлось отложить.

Вскоре по мобильнику Ксении позвонил Кеша. В конце разговора Платон попросил жену передать привет сыну.

– *«Папа тебе привет передаёт!»*.

– *«И в щёчку целует!»* – добавил Платон.

– *«Спроси, а она у него бритая?»*.

– *«Нет!»* – передала Ксения довольный ответ сыночка.

– *«Тогда в другую!»* – добавил неугомонный отец.

– *«Ха-ха-ха!»* – зашлись на обоих мобильниках.

Уже на улице, в саду, Платон шёл по главной дорожке, всё ещё ощущая боль и утреннюю скованность.

Глядя вслед оголённому торсу мужа, Ксения вдруг подумала:

– *«Да! От той косой сажени его былых плеч осталось чуть больше двух третей, или половины!»*.

Но она продолжила, улыбаясь вслед Платону:

– *«Да! Старый конь борозды не портит, хотя и новой не прокладывает»* – несколько сокрушённо пробурчала она.

Однако Платон уговорил жену вместе сделать утреннюю зарядку.

После её окончания он изрёк:

– *«Хорошо на даче! Работаешь себе и работаешь! Мысли какие-то другие в голове! А то и вовсе нет!»*.

А зарядку супруги делали около давно ими выращиваемой Туи.

Этим летом она, давно посаженная взамен нечаянно сожжённого Кешей можжевельника, но в другом месте, на другом конце главной дорожки, наконец, переросла Платона.

Так что компенсация утерянного можжевельника, привезённого Платоном с родины матери в 1979 году, состоялась.

За завтраком, дремавший на диване кот Тихон, вдруг встрепенулся и насторожился, с прищуром посматривая на стол и на Платона, который как раз начал делать бутерброд с сыром. Так, немного посмотрев прищуренными глазами, кот успокоился. В этот раз ему обломилось.

Днём Платон наблюдал интересную картину. Частично-полосатые на крыльях птицы, семейства трясогузок, испугавшись стоявшего поблизости под сенью яблони Платона, резко взмыли с дорожки вверх, и, на мгновение зависнув, стремглав, как мессершмиты, разлетелись в разные стороны.

Всё ещё полный дачных впечатлений, в очередной раз Платон возвращался домой с работы по Большому Устьинскому мосту. Был понедельник, 16 июня. И он вдруг явственно почувствовал запах реки – типичный запах прибрежной тины.

Вот, это да! – удивился он.

Наверно вода созрела для купания?! – решил он.

Через два дня начинался отпуск.

Хорошее предзнаменование! – вновь посетила его приятная мысль.

Дома, войдя в прихожую, Платон сразу увидел распластавшуюся на спине, на линолеумном полу, самую пушистую, серую, сибирскую кошку Мусю. Она развалилась, широко раскинув лапы, и блаженствовала. Хозяин дома и кошек не удержался от комментария:

– *«Мусь! Ты что развалилась, как пьяный дворник в своём чисто подметённом дворе во времена царизма?!»*.

На следующее утро, наконец, состоялось долгожданное – почти месяц в очереди – посещение для консультации ревматолога в 1-ой Городской Клинической Больнице им. Н. И. Пирогова. Доложив своё состояние и предпринятые меры по поиску причин кашля, после его тщательного осмотра врачом, Платон услышал заключение: необходима госпитализация в 10-ую

ГКБ, которая одновременно является и реабилитационным центром, с целью подбора нового лекарства для базисной терапии.

По прибытии на работу, Платон сообщил новость Надежде Сергеевне. Та восприняла её, как должное и ожидаемое.

Вечером Платон посетил своего участкового терапевта с целью получения направления в больницу.

На следующий день Платон уже пошёл в отпуск, который был несколько смазан неважной погодой и сбором необходимых бумаг, справок и анализов для больницы, в которую предстояло ещё пройти отборочный конкурс в одной из поликлиник.

С учётом неудовлетворительного состояния Платона, терапевт дала ему больничный на две недели, с целью несколько улучшить его состояние перед госпитализацией, и сохранения своего профессионального лица.

Первые дни больничного – отпуска выдались неудачными, в смысле погоды. Было прохладно и дождливо. Ксения ещё работала, и Платону приходилось всё время мотаться между дачей с котом Тихоном – с одного конца, и поликлиникой с анализами, процедурами, справками, и квартирой со всеми домашними животными и ремонтами – с другого.

Но, как говорить, всё, что не делается, всё к лучшему! Как раз в это время Ксения, с санкции мужа, купила новую современную электроплиту, и Платону довольно долго пришлось возиться, исправляя огрехи электриков и строителей, допущенные ещё до 1994 года.

Во время укладки за плитой дополнительного ряда из пяти плиток, чудом сохранившихся на даче, супруги вдруг обнаружили, что от капель воды из раствора коротит электропровод под плинтусом.

В результате анализа, воспоминаний, умозаключений, и опытных отключений электричества, она нашли не только причину замыкания, но и причину обесточенности розетки у пола за плитой, и лишнего конца провода, подключенного к аналогичной розетке у противоположной стены кухни.

Перебитый гвоздём под плинтусом ещё солдатами-строителями провод был обрезан, а затем и обесточен от другой розетки.

Плиту на неровном полу установили ровно.

Но на этом фокусы не закончились. Удивительно вовремя, во время случайного присутствия дома Платона, полностью сломался главный замок входной металлической двери. Хозяину пришлось задержаться до вечера от поездки на дачу, и в течение дня купить новый замок и установить его более капитально, чем был установлен халтурщиками-строителями предыдущий.

При этом Платон использовал свои инженерные знания и большой практический опыт.

Удалось ещё и модернизировать в одном месте элементы крепления обивки к металлической двери.

Параллельно Платон днём, а Ксения вечерами разобрали барахло в стеновых шкафах, соответственно на лоджии и в прихожей, куда теперь уместился и новый пылесос. Повезло Платону и с вывозом старой плиты. Не успел он об этом сообщить консьержке и подъездной уборщице, как через полчаса в его квартиру раздался звонок. И дворник с большим удовольствием забрал ещё частично работающую плиту, и всё её оснащение.

Так что дни, потраченные на медицинские дела, не пропали, а были одновременно использованы и на срочные домашние ремонты.

На даче, в ночь с 28 на 29 июня, Платон спал крепко. Лишь к утру его сон несколько нарушил громкий говор пьяных мужиков, расхोдевшихся от застолья. Не успели, после мелькнувшего в окне наступающего рассвета, веки Платона вновь сомкнуться, как ударившая по ушам сверх громкая музыка чуть ли не сбросила его с постели.

Даже через закрытое наглухо, из-за излишне прохладных ночей последнего времени, окно Платон чётко слышал, словно издевательство над спящими, громкое объявление по автомобильному радио:

– *«Московское время 4 часа! Москва спит, а мы продолжаем...».*

Во! Гады! Они, эти их мать, продолжают... – ошпарило его сознание истовое возмущение.

Он вскочил с кровати, открыл окно и прокричал из него во весь голос, влево, наискось:

– *«Эй! Аллё! Глуши шарманку!».*

А через несколько мгновений он докричал уточняющее, решив тоже похулиганить:

– *«Пиздилевичи! Глушите музыку!».*

Однако реакции не последовало. Может не слышат?

Платон встал и в своём спортивно-нижнем белье выскочил на улицу.

Удивительно! В этот момент у него совершенно ничего не болело.

Видимо на 4 часа ночи приходился пик действия его НПВС «Мелоксикам». Или же, испытанный им шок, тут же мобилизовал весь организм. Пока было неясно.

Платон подошёл к почти сплошному забору дачи Дибилевичей, за которым просматривались два автомобиля. С ближнего из них, со всеми открытыми дверями, и доносилась, разбудившая его громкая музыка.

Платон поначалу решил, что в этом виноваты великовозрастные сыны хозяина, и вновь прокричал, на этот раз в щель в заборе:

– *«Аллё! Позови отца!».*

И через секундную паузу вновь:

– *«Аллё! Валер!?».*

Но никаких изменений.

Платон попытался открыть калитку.

Но та оказалась запертой изнутри, из-за чего разгневанный гость чуть было не сломал её.

Платон уже было начал подумывать о «камне в окошко» дома глухих, но тут через щель в заборе увидел, наконец, какое-то движение.

Хозяин дома – более чем сорокалетний предприниматель Валерий Дибилевич не без труда отпер калитку и уставил свои невинные, светло-серые, стеклянные глаза на слишком смелого соседа.

– *«Валер! Я думал, это твои дети шалят, а оказывается ты сам!»* – начал Платон диалог, с трудом сдерживая свой гнев, чтобы не обрушить на хама потоки матерной брани.

– *«А что? Нельзя, что ли, музыку слушать?!»* – впился тот холодными глазами в пустоту позади Платона.

– *«Можно, но тихо, не мешая соседям!»* – слегка успокоившись, перешёл Платон на поучения.

– *«Так ты, чего не спишь?!»* – начал было тот глупо изворачиваться.

– *«Так ты разбудил меня! Я вскочил, как ошпаренный!»* – начал объяснять элементарное соседу, ударившемуся в дебилизм.

– *«Ты ведь, вроде, мужик нормальный?»* – попытался перехватить инициативу старший из Дибилевичей.

– *«Ну, ты даёшь! Не ожидал я от тебя! Удивил ты меня!»* – заканчивал Платон своё бесполезное возмущение уже в виде монолога, уходя от замолчавшего, возможно от растерянности, собеседника на свой участок.

Тут же замолчала и музыка. Запирая калитку и поглядывая на виновника конфликта, Платон вновь повторил, но на этот раз твёрже и как будто угрожающе:

– *«Да! Удивил ты меня!».*

Почти час Платон не мог заснуть, но природа вскоре всё же взяла своё.

А до этого он в возмущении и в сердцах ещё успел подумать: Вот бы не приезжали Вы сюда больше!

И его пожелание в какой-то степени сбылось. Несколько выходных этих соседей не было видно, тем более слышно.

Да! Права Ксения! Не повезло нам с новыми соседями. Слишком шумливые оказались. Да и не культурными совсем. Ведь не первый раз их замечали за нарушением ночной тишины.

В общем, у них, как говорится, полное отсутствие всякого присутствия. Никакой культуры вообще, и тем более культуры общения и поведения! – в полудрёме сокрушался Платон.

Третью, теперь уже настоящую неделю отпуска, после двух больничных недель, Платон провёл уже вместе с женой.

До этого он сделал на даче все необходимые текущие дела, в том числе многие по ее расконсервации.

Трава была скошена, грядки прополоты, мусор сожжён, вывезен и закомпостирован.

Огурцы в парнике росли, а хлам из разобранного в сарае, вывезен на свалку, а старый инструмент подарен таджикам.

И супруги принялись к совместной работе по настилке линолеума в доме: в прихожей и кухне.

Ещё до приезда жены, Платон долго и тщательно вымерял выкройку из двух частей оргалита для вырезания единого листа из линолеума.

Получался весьма заковыристый лист. Даже после вырезки пластин оргалита, Платон нанёс на них метки, компенсирующие некоторые неточности, позволившие, в конечном счете, вырезать единый кусок линолеума почти без поправок и лишь с незначительными подрезами.

После того, как супруги убедились в правильности формы вырезанного листа, они приступили к обивке пола оргалитом.

А поскольку у Платона болело правое колено, не позволявшее ему даже наклоняться, обивку мелкими гвоздями производила Ксения, но под руководством мужа.

Затем покрасили под цвет линолеума штапик.

Потом прибили его через линолеум, кое-где заранее приклеенный двусторонним скотчем, к оргалиту.

Получилось здорово.

На следующий день супруги, купив необходимый крепёж и соединения, не без приключений смонтировали от водопровода по забору к бочке в середине огорода, где был расположен распределительный узел, и далее опять по забору, под дорожкой, к кухне дома – поливочный, полудюймовый полосатый, зелёный шланг, похожий на змею.

Это теперь позволило не пользоваться ведрами, за исключением пока питьевой воды, при наполнении ею кухонных ёмкостей и поливочных бочек.

Теперь Ксения могла пользоваться водой и в отсутствие Платона.

Вскоре, но с задержкой, созрела клубника, за ней сразу начала созревать малина, а параллельно – чёрная смородина, а за нею и вишня.

И ещё до отъезда в больницу Платона, успевшего полакомиться результатом своего труда – пересаженной осенью клубникой, Ксения успела кое-что заготовить на зиму.

В общем, к отъезду в больницу, Платон, как дачник, теперь был готов.

На ночь он выпил аспирин УПСА и тут же разродился четверостишьем:

*«А роза упала на лапу Азора»,
Посмеище сделав из бедного пса.
А как избежать ему славу позора?
Наверно принять аспирина «УПСА»?!*

Глава 3. Отдых и лечение.

Наконец очередь подошла. Из отпуска удалось фактически отгулять только полторы недели. Впереди Платона ожидало примерно, как он поначалу подумал, трёхнедельное больничное заключение.

Утром 14 июля он прибыл в 10-ую городскую клиническую больницу – московский реабилитационный центр. К обеду разместили в 502-ую палату 2-го корпуса, в 10-ом ревматологическом отделении.

Принимавшая его медсестра Светлана, своей внешностью напомнила ему Светика-семицветика. Такой же рост и фигура. Похожий тип лица, волосы, походка. Даже мерцавшие черты характера и поведения напоминали ему о бывшей возлюбленной. Поэтому медсестра, видимо почувствовав интерес к своей персоне, вела себя с Платоном очень сдержанно, но весьма уважительно и корректно.

После обеда дежурный врач Светлана Николаевна очень подробно и внимательно расспросила и осмотрела Платона, разобравшись в его медицинских бумагах, просветив его по поводу особенностей применения отечественного «Метотрексата».

Наметился курс лечения и реабилитации.

И началось.

Платону понравилось, что в отличие от предыдущей больницы здесь очень много времени уделялось лечебной физкультуре, работе на разнообразных тренажёрах. Ведь недаром эта больница являлась одновременно и реабилитационным центром.

В палате Платон оказался пятым, заполнив её контингент. Коллеги подобрались около его возраста, все без исключения оптимисты и юмористы, хотя естественно и в разной степени.

В ожидании вечернего укола, Платон сидел в длинном вечернем коридоре и рассматривал развешанные на стенах иллюстративные и информационные материалы по соответствующей тематике.

Неожиданно к нему подседа женщина пенсионного возраста, но пока всё ещё симпатичная, интеллигентная и, видимо, с активной жизненной позицией. Она, извинившись, спросила, не подскажет ли он кого-нибудь из знаменитых людей России с именами Александр и Михаил.

Платон в шутку сразу назвал своего друга Сашу Александрова. Но потом, извинившись, начал помогать, с трудом вспоминая знаменитостей. Женщина, представившись Авророй Ивановной, показала свой список. Платон, мельком пробежав его, пообещал позже помочь дополнить его.

При следующей случайной встрече в коридоре Платон выполнил своё обещание. Новые коллеги уже разговаривали в вестибюле. Платон понял, что зрелая пенсионерка Аврора Ивановна готовила этот список специально для своего внука, совсем не читающего книг.

Она хотела спросить у того, знает ли он этих людей, и тем ненавязчиво приобщить внука к чтению умных книг и изучению нашей истории.

Платон сразу вспомнил своего младшего сына Кешу.

К тому времени Аврора Ивановна набрала уже 45 Александров и 39 Михайлов. Ещё позже, в столовой, она пожаловалась, что возможно при их последней встрече потеряла очки.

Платон ту же тщательно осмотрел место их последней беседы, но очков нигде не было. Наверно Аврора Ивановна потеряла их в другом месте. Это вскоре косвенно подтвердилось, развешанными в разных местах, даже с улицы, объявлениями об утере.

Больницу окружал весьма приличный и местами довольно густой парк с дорожками для прогулок и скамейками. Он был засажен разнообразными, в том числе и по возрасту, деревьями и кустами. Не большой специалист по флоре, Платон обнаружил здесь старые липы, осину, очень много канадского клёна, сирень, в том числе молодую, но мощную; ели, сосны,

берёзы, лиственницы, яблони и вишню, шиповник и боярышник, даже грецкий орех и дуб, и другие, в том числе экзотические, незнакомые ему кусты и деревья.

В эти тёплые и даже очень жаркие дни Платон периодически прогуливался по дорожкам больничного парка, затем присаживался на свободную скамейку и работал над текстом своего романа.

В очередной раз присев под большой старой липой, он углубился в своё творчество. Вдруг Платон заметил, как на его брюках и теле стали появляться какие-то гусеницы. Он наблюдал за ними, и увидел, что те спускаются с деревьев на тонких нитях, как десантники, как спецназ. И теперь Платону периодически приходилось стряхивать с плеч, рук, спины и груди надоедавших ему различных мошек, жучков, гусениц и комаров.

Общий телевизор в вестибюле этажа не работал. Но зато в палате был, принадлежавший одному из пациентов. Однако телевизор, по которому орала реклама и слышались вопли главных героев очередных детективных сериалов, Платон почти не смотрел, чаще предпочитая дрему.

Первая неделя пребывания в больнице для него прошла быстро. Гигиенические процедуры, приём лекарств, уколы, и особенно многочисленные физические занятия, и редкие разговоры с контингентом, занимали основное время. Остальное Платон тратил на творчество и прогулки по парку.

На выходные дни некоторых больных, за исключением вновь прибывших, отпускали на сутки домой.

Один из сопалатников Платона, Павел Александрович, по им лично озвученному прозвищу Бурьяныч, прибыл из увольнения в субботу к вечеру, и, естественно, с «подарком» для ветерана Семёныча.

Вечером они приложились к «подарку» на пару, и остались очень довольными его крепким содержимым. Ночью коллеги по питию немного подкашливали. Утром это проявилось, вызвав у пары удивление.

– *«Так Вы же вчера водку пили!? А ведь она предназначена для употребления в холодное время! Вот Вам и кашель!»* – сделал Платон неожиданный для всех вывод.

– *«Да! Ха-ха-ха! Да-а!»* – согласился, с полуслова понимающий юмор Платона, Семёныч.

В их палате, сразу за дверью справа, размещался Павел Александрович Бурьянов. Платон сразу обратил внимание на его глаза. Они были тёмно-карие и, хотя излучали озорной огонёк, в своей глубине хранили какую-то печаль, или даже горе.

Он был младше Платона всего на два года, но выглядел очень молодо. К тому же был красив и, во всеобщем понимании, весьма сексуален. На вид ему можно было дать всего около пятидесяти лет, а то и меньше. Этому впечатлению способствовали и почти без седины, прямые, коротко стриженные, чёрные волосы.

Павел был простым рабочим, а родом с Рязанщины. Несмотря на, в своё время пережитое, тяжёлое потрясение – гибель сына, курсанта бывшего «Высшего Военного Училища имени Верховного Совета СССР» (Кремлёвские курсанты), он был весьма весел и оптимистичен, словоохотлив и даже говорлив.

Направо и налево он сыпал шутками и прибаутками, а то и частушками, напоминая Платону своё землячество с Есениным. Даже почти через каждое слово употребляемые им словосвязки «нах» и «бля», не портили его речь, придавая ей некоторый специфический шарм, и со временем уже не отвлекали слушателей от сути им сказанного.

Павел регулярно, или периодически, поддерживал весёлое состояние своего организма.

И это было уже второе винопитие горькой парочки. За два дня до этого, после ужина, Платон увидел любопытную картину.

У окна, за столом, несколько развалившись, сидел в одних домашних трусах весьма грузный, престарелый Семёныч. Лицом к нему и к окну, соответственно спиной к Платону, сидел

Павел с гладким, голым, загорелым торсом. Они выпивали, закусывали и громко о чём-то спорили.

Внезапно вошедший Платон сразу пошутил:

– *«Паши! Ты чего споришь?! Посмотри, кто перед тобой сидит!? Если взглянуть со стороны, то это прям, пахан!».*

Довольный Семёныч рассмеялся, а воодушевлённый Платон добавил:

– *«А ты сидишь напротив него, как ... девятка!»* – несколько смягчил он окончание фразы.

– *«Скажи уж лучше, шестёрка!»* – беззлобно уточнил Павел.

Вскоре Станислав Семёнович заёрзал на стуле, и встал.

– *«Один рулон израсходовал!»* – чуть ли не с гордостью заявил Семёныч, доставая из тумбочки новый рулон туалетной бумаги.

– *«Вся жизнь – в рулонах!»* – саркастически заметил Платон, имея ввиду измерение продолжительности жизни.

Возвратившийся в палату, Семёныч взгромоздился на кровать и удовлетворённо расслабился, издав специфически звонкий звук, покидающих его тело последних газов, тут же это прокомментировав в своё оправдание:

– *«Значит тонко!».*

– *«Семёныч! Какой ты шумный!»* – заметил его сосед Николай, своей кроватью разделявший их с Павлом.

Будучи очень приятной наружности, интеллигентной внешности, пожилой мужчина, напоминавший Платону или лапочку начальника или доброго преподавателя, Николай по возрасту оказался даже на год младше Павла. И он оказался прав.

И действительно! Ранним утром стены палаты оглашались громкими, загадочными звуками:

– *«Э-э-эй! Э-э-эх!».*

А это стонал или зевал Семёныч. Не то от боли, не то от дури и скуки?

Иногда в палате кто-то и похрапывал. А иногда доносились даже экзотические звуки.

Несколько дней подряд на открытую фрамугу их палаты садилась бледно-жёлтая синица и, как дятел, долбила ещё с зимы прилипший и засохший кусочек хлеба.

– *«Здесь связь плохая!»* – отвлекла Платона от созерцания бледной представительницы фауны, брошенная в мобильник, оправдательная фраза Павла Александровича.

– *«А в больнице надо лежать!»* – с ударением на последнем слове, поучительно заметил Станислав Семёнович.

– *«А не связями заниматься!»* – в тон ему поддержал его мысль Платон.

Все коллеги засмеялись. Платон повернул голову в сторону своего соседа Юрия, которому почти только что поставили капельницу:

– *«Нам Юру сейчас смеяться нельзя!».*

– *«Ах, да! У него же капельница!»* – согласился первым отзывчивый Семёныч.

– *«Так она же не во рту!»* – съязвил, будто осенённый, Платон.

– *«Ха-ха-ха!»* – засмеялись все остальные.

– *«Паши! А ты чего не смеёшься? Голова болит?»* — спросил пахан.

– *«Если бы у меня голова не болела, я бы ... на ней... стоял!»* — твёрдо и членораздельно ответил Павел.

Павел Александрович родился в рязанском селе Ялтуново, название которого в древности постепенно трансформировалось из названия его в честь князя Алтуна.

Отец Павла ветеран и инвалид войны, окончил ПТУ в Чите, получив специальность метеоролога. Затем он работал плотником на шабашках. Умер в пятьдесят пять лет от воспаления лёгких, не попав вовремя к врачу.

Мать Паши всю жизнь была колхозницей.

Павел был вторым ребёнком в семье.

Первый – старший брат Юрий, по малолетству на танцах дал обоснованную пощёчину развязной девице. За это, якобы хулиганство, он получил год тюрьмы. А затем пошло, поехало, срок за сроком. В общем, скатился парень с узкой дорожки под горку.

Родившаяся за Павлом, сестра Нина закончила в Сасове техникум, став мастером по изготовлению мебели. Потом вышла замуж, родила детей.

А самый младший брат Павла – Михаил, бросил ВУЗ. Отслужив в армии, стал работать в строительной бригаде у Павла.

Сам же Павел Александрович, закончив восьмилетку, попал в ПТУ, получив специальность токаря. Так оказалось, в их палате всего три бывших токаря. Кроме Платона и Павла им ранее был и Станислав Семёнович Родин.

После окончания ПТУ Павел устроился на работу на электроламповый завод в Рязани. Там же в ДОСААФ он получил специальность оператора радиолокационной станции.

Поэтому в армию он попал в ПВО страны, где, кстати, служил и Семёныч. Павла направили на Курильские острова, на остров Итуруп. Всю свою службу он числился оператором РЛС П-15, работавшей по низколетящим целям. Непосредственное дежурство Павла осуществлялось по графику, или, как правило, по учебным тревогам. Но были и исключения.

Однажды Паша участвовал в обеспечении аварийной посадки на остров Итуруп американского тяжёлого стратегического бомбардировщика Б-52 «Стратофортрес», летевшего бомбить Вьетнам. У того вышла из строя система управления и был неисправен один из восьми двигателей.

После устранения некоторых неисправностей на советском аэродроме, американцы были отпущены и вернулись назад, домой, на одну из своих баз на территории США или остров Гуам.

Павлу Бурьянову тогда лично удалось увидеть хорошо экипированных и вооружённых, холёных и упитанных американских лётчиков, временно невольно интернированных на советской территории. Как говорить, увидел потенциального противника близко, лично и в лицо.

После армии Павел уехал сначала работать в Рязань, на завод Центролит, а затем, в 1972 году, из-за жилья устроился в строительное управление, которое строило известные объекты столицы, в частности, стадион «Олимпийский», ТВ центр в Останкино, и другие.

Сам Павел Александрович Бурьянов занимался установкой подвесных потолков в учреждениях и организациях.

В 1976 году он женился на Валентине, которая была младше его на три года. Через год родился сын Алексей. Второго ребёнка они рожать не стали.

Однако в начале 90-ых годов Павла уволили с работы за пьянство, и он начал подрабатывать рабочим широкого профиля в различных столичных строительных ООО.

Павел Александрович очень любил рассказывать о своей жизни, о различных случаях и происшествиях. Но косноязычность явно мешала ему выразить обилие впечатлений и эмоций, замещающая многие слова матом, шутками и прибаутками.

Но на всю жизнь страшной зарубкой на его отцовском сердце стала гибель в 1998 году, в автокатастрофе, единственного сына Алексея – кремлёвского курсанта.

Узнав об этом, Платону стало очень жаль Пашу, и он проникся к нему не только сочувствием, но и какой-то дополнительной любовью – старшего брата к младшему.

В одну из ночей из постоянно открытого окна повеяло прохладой. Кое-кто, во главе с Платоном, почихали и покашливали. Наутро напасть дошла и до Николая.

– *«Не чихай, а то простудишься!»* – посоветовал ему всегда весёлый Семёныч.

Вскоре на постоянно открытую, как стол для птичек, фрамугу села и ставшая всем знакомой, бледно-жёлтая синица. Она, за пару дней разделавшись с зимним сухариком, ещё один раз залетала в то же самое утреннее время, но добавки от хозяев палаты так и не получила.

Не оказалось угощения и сейчас, при её контрольном залёте. Больше синичка не прилетала, зато стали донимать мухи.

На замечание Платона, что на стороне Семёныча, Николая и Павла летают мухи, бывший номенклатурщик Станислав Семёнович быстро сориентировался и перевёл стрелку естественно на Павла.

– *«Так все мухи почему-то к Павлу летят!»*.

Что бы это значило? – глубокомысленно подумал писатель. Но со временем мухи добрались и до него.

А мудрый Николай, хотя и бывший на год младше Павла, но выглядевший посолидней своего соседа, вскоре повесил между собой и ним липучку, чтобы перехватывать мух, снующих из угла в угол, от Семёныча к Павлу и обратно.

Из-за этого Павел Александрович, часто лёжа рассказывавший различные истории и размахивавший при этом руками, в том числе большой правой, периодически попадал ею в липучку, при этом естественно смеясь и беззлобно матерясь.

Тоже, как и Семёныч, рано встающий и потому раньше всех готовый к завтраку, сосед Платона Юрий, в очередной раз взял пустые лотки из-под таблеток, чтобы отнести их на медицинский пост.

– *«Пойду, отнесу!»* – объяснил он всем насторожившимся свои действия.

– *«Пойди, сходи к девчонкам! Любишь ты это безобразие!»* – беззлобно съязвил Семёныч.

Контингент палат больницы естественно постоянно обновлялся. В соседней палате завёлся даже поп.

За одним из завтраков он попросился на свободное место за стол к Платону и его сопалатникам, обратившись к сидящим:

– *«Питающиеся ангелы! Можно приземлиться?»*.

– *«Да! Складывай крылья, батюшка!»* – любезно пригласил его Платон.

Вечером в вестибюле к Платону подсел симпатичный, весьма немолодой мужчина, интеллигентной и даже импозантной внешности. Он и раньше подчёркнуто вежливо раскланивался с Платоном в коридоре и в столовой, внимательно присматриваясь, видимо признав в нём своего.

И действительно, Пётр Александрович Журавлёв, старший Платона на пять лет, но выглядевший чуть ли не моложе его, был бывшим номенклатурщиком, работником министерства Общего Машиностроения, к которому относилось и бывшее предприятие Платона, исправным ортодоксальным коммунистом. Даже в свою молодость, увлекаясь стихами, он многие из них посвятил комсомолу.

Через несколько дней Пётр ознакомил Платона с некоторыми из них, оказавшимися высокого качества. И они были посвящены не только руководящей и направляющей, но среди них были и философские, и посвящённые отдельным поэтам, в частности Есенину. Стихи Петра Журавлёва также отличались особой тональностью, ритмом. Они как будто шли под барабанную дробь. Петру тоже понравились стихи Платона.

Долгий разговор двух инженеров-поэтов коснулся разных общих тем, в том числе появившегося в больнице попа. Как сопалатник священника, Пётр поведал Платону, что этот инок всего лишь поп-раскольник, и даже сектант.

В конце этой весны и в начале лета Платону периодически, примерно раз в неделю, стал звонить на мобильник какой-то идиот, или идиотка с номера 8-495-936-35-57 и, помолчав секунду, отключаться.

Они словно проверяли, жив ли этот абонент?

Сосед Платона, Юрий часто пользовался наушниками от портативного радиоприёмника, слушая «Эхо Москвы». Даже когда он одновременно лежал и под капельницей и под наушниками, то всё равно сообщал коллегам, по его мнению, важные новости:

– *«В 1901 году температура воздуха в этот день была всего +5, а в 1976 году +34!».*

– *«А сегодня, сколько будет?»* — почти хором не удержались от вопроса коллеги.

– *«+26!»* – гордо ответил Юрий, подчёркивая свою значимость в их коллективе.

Но комментарий Платона и понятливый смешок Семёныча несколько смазал эффект от сказанного:

– *«А сколько дадут, столько и будет!».*

В этот момент в палату вошёл единственный из всех курящий Павел.

– *«Ну, что? Курилка! Накурился со своими комбайнёрами из третьей палаты?!»* – ревниво прицепился к нему опять Семёныч.

Станислав Семёнович Родин, как и Павел, был родом из подмосковной деревни. После школы он закончил ПТУ, став токарем. Затем работал по специальности в опытном цехе НПО «Салют». От военкомата окончил курсы шоферов. Затем работал водителем на продуктовой базе. Потом служил в армии, в ПВО страны, возя полковника. После возвращения в столицу, Станислав женился, остепенился, и поступил в институт.

А далее его ждало успешное продвижение по службе, вплоть до директора завода, работа в аппарате правительства Москвы, загранкомандировки по обмену опытом, старость, болезни и больница.

Но Станислав Семёнович всю свою жизнь сохранял оптимизм, чувство юмора, заводясь на них с полуслова, с полунамёка.

Он долго ждал своей очереди на массаж, и дождался. Пришёл с новостью довольный:

– *«У! Медсестра у меня! Насколько высока, настолько и высокомерна!».*

Но Семёныч сглазил!

Тут же вошла их медсестра Светлана и попросила убрать всё лишнее из холодильника, в частности хлеб. Выбросить его в ведро.

Павел Александрович первым решился на это, поскольку находился рядом. Холодильник вообще стоял между его кроватью и стеной с входной дверью.

Но другие, не то пошутили, не то укорили Павла, что выбрасывать хлеб нехорошо, бог накажет!

Вскоре Юрий положил в ведро, сверху на хлеб, пустую коробочку.

– *«Прячешь, чтобы бог не видел?!»* – не удержался от хохмы Платон.

Вскоре, во время бритья Павел нечаянно немного порезал губу.

– *«Ты чего, смурной такой?»* – спросил его Родин.

– *«Да губу порезал»* – промычал тот грустно.

– *«Так ты губами не шлёпай!»* – под смех пахана добавил Платон.

– *«Жена дома залижет!»* – не удержался, уточняя, и Семёныч, который, впрочем, вскоре порезался и сам.

Он любит позировать, и быть фразёром. Возможно, что в молодости он был импозантным и сексуально раскованным мужчиной! – решил Платон.

И всё ещё поутру Семёныч опять прицепился к Павлу:

– *«Смотри! Ты носок не на ту ногу надеваешь!».*

В ответ, немного обидевшийся на него Паша, вдруг выдал Семёнычу накопившееся, наболевшее и сокровенное:

– *«Поначалу скромным был, а теперь пердеть по ночам начал!».*

Периодические взаимные пикирования между Семёнычем и Павлом, особенно после совместного распития, иногда приходилось демпфировать, лежащему между ними Николаю.

Это был добродушный, симпатичный мужчина, обладавший к тому же красивым басовитым голосом, который своим тембром и даже акцентом напоминал Платону одного из его давних дачных соседей Анатолия Пустовойта, уроженца Украины, давно там не жившего.

Тут же и вовремя в разрядку, возникшей было внутри палатной напряжённости, внёс свой вклад и Юрий, сообщив всем радостную весть, что Роман Абрамович согласился не бросать совсем, так ставший ему дорогим и любимым, чукотский народ. На что Платон сразу и быстро сориентировался:

– *«Так теперь чукчи будут петь: самолёт – хорошо, пароход – хорошо! Абрамович – лучше!»*.

В один из дней пребывания в больнице Платон по мобильнику поздравил с 80-летием своего дядю – Виталия Сергеевича Комарова из Санкт-Петербурга.

Сын Платона Даниил с женой Александрой накануне были в Питере и передали Юбиляру совместный подарок – домашнюю метеостанцию (барометр), выбранную в качестве юбилейного подарка Ксенией.

Какого же было удивление и радость, когда оказалось, что дядя об этом даже мечтал!?

И это всё вопреки брюзжанию двоюродного брата Платона Сергея Комарова из Выксы, который доказывал, что такой подарок дяде не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.